

Илья
Корчевский

ПУТЬ бумеранга

18+

По ту сторону реальности

Илья Корчевский

Путь бумеранга

«Издательство «Союз писателей»

2024

УДК 82-312.9

ББК 84(2=411.2)6-445.13

Корчевский И. В.

Путь бумеранга / И. В. Корчевский — «Издательство «Союз писателей», 2024 — (По ту сторону реальности)

ISBN 978-5-00187-559-8

Путь бумеранга начинается. Ровно год назад 25 июля, в День вне времени, Верон, путешествуя по Болгарии и Румынии, познакомился с таинственной девушкой и пережил приключение, никак не укладывающееся в рамки нормальности. Он нашел бумеранг, предсказывающий будущее, сражался с вампирами, познакомился с графом Дракулой и видел, как женщина обращается в пуму. Все это время он старался не думать о том, что тогда случилось. Но новое 25 июля заставило мыслями вернуться в прошлое и попытаться разгадать его загадку. Единственная подсказка, которую удалось получить Верону, гласит, что он встанет на верный путь тогда, когда его имя встретит себе пару. Поиск ответов начинается. Тайна 25 июля должна быть разгадана, тем более, что Верон не единственный, для кого этот день принес глобальные перемены. Есть и другие, идущие по схожему пути, который указал им бумеранг. Могущественные маги, криминальные авторитеты, искатели приключений и загадочные женщины – все они ищут выход из петель бумеранга к своему Ритму.

УДК 82-312.9

ББК 84(2=411.2)6-445.13

ISBN 978-5-00187-559-8

© Корчевский И. В., 2024

© «Издательство «Союз
писателей», 2024

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	9
3	11
4	14
5	15
6	17
7	19
8	21
9	22
10	27
11	31
12	36
13	37
14	42
15	43
16	46
Часть вторая	49
1	50
2	53
3	55
4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Илья Владимирович Корчевский

Путь бумеранга

© Корчевский И. В., текст, 2024

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2024

© ИП Соседко М. В., издание, 2024

Нет ничего, кроме текста.

Жак Деррида

Водопады, текущие вспять, были их символом.

ЕДЛМ

Часть первая

1

В детстве Верон прочитал историю китайского мудреца, которому приснился яркий сон, где он порхал по миру бабочкой. Сон был настолько реалистичным, что до конца жизни мудрец остался в сомнении, кто же он на самом деле – китаец, которому снится, что он бабочка, либо бабочка, которой снится, что она китаец.

Перед самим Вероном всю жизнь стояла другая дилемма, ничуть не мельче древнекитайской. Просыпаясь каждое утро, он ощущал свои веки не крыльями бабочки, а театральным занавесом, но никак не мог окончательно определиться, с какой стороны находится сцена.

В то утро веки поднялись, как обычно, подобно занавесу. Первым, что увидел Верон, оказалась обнажённая женская грудь, и её образ разместился в голове так же легко и удобно, как в ладонях. Прямо каждому полушарию – по полушарию.

Пробуждение всегда похоже на маленькое рождение, и на пороге жизни нас, как правило, встречает женская грудь. От этой мысли начало дня сразу наполнилось ароматом обещания, но запах оказался нестойким. Спящая девушка, безусловно, выглядела приятным началом очередной серии многолетнего спектакля, хуже было другое – нежные линии перед глазами никак не гармонировали с дальнейшим мысленным прибоем.

Верон перевёл взгляд на кирпичную стену, уходящую под высокий белый потолок в просторной спальне его лофта, на полуопущенные жалюзи, сквозь которые уже пробивался дневной свет, и снова на обнажённую грудь, с нарастающим чувством непростительной задержки в буднях. Он будто плыл к двум чудесным холмам, которые сейчас открылись перед глазами, весь последний год, чтобы на финише этот безупречный ландшафт произвёл неожиданный эффект – Верон внезапно ощутил, насколько внутри него замедлилось, если не сказать остановилось, течение жизни. Хотя все последние месяцы жизнь на внешней сцене текла очень бурно и хитроумные финансовые схемы приносили хорошие деньги, всё это лишь искусно маскировало суть вопроса: кто кого и во что превращает – Верон ли делает схемы жизнью, либо Схема переводит Верона в свой придаток.

Накануне был взят крутой жизненный пик с приличным призовым фондом, и ночной маршрут в компании хмельных партнёров, держащих Бога за бороду, соединил самые дорогие и пафосные клубы. А под утро очаровательное создание, пластичное и лёгкое, как звёздный ветер, протанцевало в проёме огромного окна в пол, на фоне чёрного неба, разбрасывая одежду по спальне Верона, и теперь, едва прикрытое тонким одеялом, слегка улыбалось во сне.

Глядя на эту сонную улыбку и чувствуя всё ещё идущий от простыни жар, Верон не мог не признать, что девушка по-настоящему любила дарить и принимать наслаждение, но при всей своей фееричности растаявшая ночь тоже относилась к будням – мозг, освобождённый от обдумывания массы деталей, осознавал это с холодной ясностью. Возникшая пустота была приятным ощущением, но Верон знал, что Схема лишь даёт паузу для более продуктивной эксплуатации. Пройдёт несколько дней, и она напомнит о себе звонками партнёров, новыми выгодными проектами и миражами новых жизненных пиков.

Что-то изменилось этой ночью, и хотя Верон не мог пока определить, что именно, он вдруг решил не разменивать жизнь на будни даже за очень большие деньги. Это было невероятно просто и верно, без всяких доказательств. И как всегда бывает при решении, которое внезапно приходит отовсюду – из глубин существа и из всего окружающего мира, – ему сразу стало легко, и вначале едва ощутимо, но с каждым вдохом всё мощнее, он стал наполняться струёй праздника.

Под напором этой живительной струи будто слетела вся шелуха, толкнув Верона к спящей девушке. Она распласталась и обвила его тело ещё во сне – её темперамент, похоже, был на взрыве в любом состоянии, и к тому же утренний свет, что случилось далеко не со всеми ночными гостями, никак не отразился на привлекательности. Сторонний зритель, появившись он в спальне по любую сторону занавеса, наверняка отметил бы удивительную синхронность и вдохновение. Девушка стонала и двигалась с закрытыми глазами, прижимая Верона к себе, и ещё сильнее зажмурилась в конце, не желая выплёскивать ни капли содрогающего её удовольствия.

Потом ещё какое-то время она не давала телам расплестись, вздрагивая и улыбаясь. Наконец её ресницы дрогнули, медленно поднялись, и карие звёзды, беззащитные и безумно прекрасные, непонимающе посмотрели сквозь Верона. Этот взгляд был полон всем откровением новорождённого мира. Верон подумал, что там, откуда она вынырнула, компанию ей вполне мог составить и кто-то другой, что, впрочем, его несколько не задевало – он всегда считал, что каждый сам хозяин своих наслаждений. Она смотрела в его глаза, не сразу отпуская, и взгляд прояснялся благодарностью.

Верон улыбнулся такому чистому послевкусию, встал с необъятной низкой кровати, напоминавшей платформу, и внезапно замер. Это было похоже на вспышку памяти, которая на несколько секунд заморозила его прямо посреди движения. Он вспомнил этот взгляд, однажды в жизни точно так же прошедший навывлет и затянувшийся в череду очень странных событий.

Верон направился к стеклянной перегородке, отделяющей душевую от спальни, и, встав под прохладные струи, мысленно заскользил в неожиданном дежавю. Год назад, после одной неожиданной встречи, все сцены его мира заколебались так, что едва не разнеслись в щепки, и вдруг сегодня, сразу после желания покончить с буднями, он встречает тот же взгляд. Глаза были другими, и девушка – другая, но взгляд он не мог спутать ни с чем.

Верон встряхнул головой и усилил напор, подставляя макушку и лицо под струи воды. От этого голубая плитка стала выглядеть размытой, плоская стена обрела объём, и воспоминания легко унесли в бездонную глубину неба.

2

Тогда, год назад, Верон лежал спиной прямо на песке, на морском берегу, и, раскинув руки в стороны, смотрел в бесконечную воздушную бухту. Можно было считать, что она сверху, но можно было ощущать распахнутую пустоту и под собой – только тяготение огромного шара удерживало от падения или взлёта.

Единственное облако оживляло небесные просторы. Оно как раз заслонило солнце, давая Верону возможность, не закрывая глаз, лениво размышлять об относительности верха и низа. Белые очертания облака удивительно точно создавали образ летящей по голубой пустыне пумы – голова, гибкое тело, застывшие в прыжке лапы и даже хвост.

Это была первая белая пума, увиденная Вероном, хотя с обратной стороны она вполне могла быть и привычно чёрной, как на впечатанном в зрительную память рекламном логотипе. Потом Верон вспомнил, что чёрный цвет принадлежал скорее пантерам, но в слове «пума» ощущалось гораздо больше мягкого изящества, да и небесная пума обладала таким совершенством, что могла позволить себе любой цвет.

Она слегка пригнула голову, будто взглянув на Землю, и солнечные стрелы заставили Верона зажмуриться. Он приподнялся на локтях, открыл глаза и в первый момент решил, что снова видит пуму. Её окрас сменился золотистым, но поза осталась прежней – в прибрежной волне изогнулась девушка, она смеялась и позировала подруге с фотоаппаратом. Кроме цвета, пожалуй, лишь отсутствие хвоста отличало обе картины, но девушку это не портило. Совершенство небесной пумы полностью отразилось в покрытых загаром формах и привлекло внимание не одного Верона.

Наконец девушка встала и направилась к подруге. Солнце отливало от её длинных прямых волос чёрным блеском, тёмные очки закрывали глаза, и две полосы оранжевого купальника делили тело. Она проходила мимо Верона, он встал, сделал шаг навстречу и сказал:

– Я могу прервать ваше движение?

Девушка остановилась и посмотрела на свои ноги. На них точно стоило посмотреть.

– Похоже, да.

– Видел, как вы фотографировались. Хотите взглянуть на негатив?

Верон направил к небу палец и вместе с девушкой поднял голову. В оправе безупречной синевы, без малейшего намёка на облако, блистала ослепительная звезда. Положение сразу стало глупым, но девушка неожиданно отреагировала так, будто действительно увидела то, что заслоняло солнце минуту назад.

– Редкая наблюдательность. Умеете смотреть одновременно в разные стороны?

Она слегка улыбалась, Верон был сбит с толку, но ответил искренне:

– Некоторые картины игнорировать непростительно.

Девушка сняла очки, и таких картин стало на одну больше – из-за двух чёрных стёкол сверкнули огромные и совершенно сумасшедшие карие звёзды. Безумные и предельно открытые. Верон не представлял, что существуют такие глаза, и это не имело ничего общего с сентиментальностью – в этих глазах не находилось места земному смыслу, и затягивали они сильнее чёрных дыр. Было прикосновение иного измерения, ошеломляющее и выхватывающее из реальности. На мгновение исчезли море, пляж, и мир рассыпался от одного взгляда незнакомки. Он шёл из бесконечности и сквозь Верона уходил в бесконечность.

Девушка произнесла:

– Так же, как и некоторые встречи.

Слегка растянутая интонация дополняла образ перевоплощённой пумы. Смысл слов дошёл до Верона с некоторым опозданием, он с трудом вынырнул из её зрачков, и мир вокруг него стал склеиваться заново.

Он сказал:

– Эта, наверное, из таких.

– Наверное? Ты не уверен?

Вопросы она задавала без тени кокетства, и такие, какие ему ещё не задавали в первую минуту знакомства, но до этой минуты он никогда ещё и не видел небесных пум, которые превращались в девушек с подобными глазами.

– Думаю, стоит ли отвечать. Непроявленное всегда сильнее.

– Не проявляй. Негатив ведь тоже не проявился.

– Зато оригинал проявился совсем неплохо.

Верон скользнул взглядом по её телу и отметил, как вздрогнул живот. У него мелькнул интерес, как она реагирует на прикосновения, если так откликается на взгляд. То ли интерес проступил слишком явно, то ли девушка читала мысли, как раскрытую книгу, но она тут же спросила:

– Хочешь узнать?

На её прямые вопросы глупо было отвечать иначе. Верон протянул руку и провёл пальцами по загорелой коже над нижней частью купальника. Теперь они вздрогнули оба – не хватило только треска и вспышки электрического разряда.

– Да, бьёт током, – она улыбалась краями приоткрытых губ, и звёзды излучали довольно дерзкий блеск.

– Ты кто? – Верон задал не самый умный вопрос в жизни, но он опять был искренним.

Девушка засмеялась.

– Облако, конечно. Скоро развеюсь.

– Давай хоть не так скоро. У облаков бывают имена?

В этот момент её позвали:

– Диана, ты идёшь? – Подруга была хороша и при других обстоятельствах смотрелась бы очень эффектно.

Она кивнула.

– Уже...

– Диана... – Верон повторил имя, но девушка вновь озадачила:

– Это не моё имя. Ей просто нравится меня так называть.

– А какое имя твоё?

– У облаков нет имён.

Она разговаривала подобно Ла Горде из эпопеи одного магического опыта, и в шелесте волн Верон вдруг услышал шум ветра среди зарослей чапаралия.

– Может, ты из Икстлана?

– Нет, но дон Хенаро – мой дальний родственник.

– С такими глазами вряд ли дальний.

Белозубая улыбка шла ей, как и всё остальное. Она надела очки.

– Увидимся вечером. Здесь.

Верон смотрел ей вслед и хотел попасть в вечер немедленно.

3

Касание пальцами совпало с упругим прикосновением к спине. Если при пробуждении Верона встретил вид женской груди, то теперь из воспоминаний вернуло её дразнящее трение. Пальцы девушки, бесшумно появившейся под душем, заскользили по его телу вместе со струями воды. Он улыбнулся и подумал, что прощание с буднями проходит довольно насыщенно. Взяв старт в ванной, путь к финишу полностью определяли прихоти его гости. Она устроила своеобразный смотр всех диванов, кресел и столов, оставив без внимания лишь туалет и гардеробную: ей требовался простор. Верон изменил маршрут лишь однажды, после того, как старушка-соседка, медленно бредущая по двору, глянула на его балкон и с тихим стоном выронила авоську.

Через некоторое время, натянув наконец шорты и с удовольствием вытянувшись в кресле, Верон наблюдал за путешественницей. Огромная гостиная его лофта, обрамлённая кирпичными стенами, свободная от перегородок, переходила в кухонную зону, сверкающую стеклом и хромом, и разделялась с ней только напольным покрытием. Грубый дощатый пол сменялся мозаичным чёрно-белым мрамором, по которому мелькали стройные ноги девушки. Она начала готовить кофе в том же виде, который проверил на прочность сердечные клапаны заслуженной пенсионерки, но затем, обнаружив где-то фартук, о существовании которого Верон не подозревал, девушка немедленно в него облачилась.

Верон отметил, что затянувшееся присутствие гости его совсем не напрягает, хотя при подобных встречах такое случалось нечасто. Возможно, этому помогало молчание – с момента пробуждения они не сказали друг другу ни одного внятного слова, а набор произнесённых звуков мало напоминал обмен информацией. Девушка посматривала на него и слегка улыбалась, опять напоминая пуму с пляжа. Она была грациозна и естественна, будто в гостях находился Верон, а фартук на голое тело – самый обычный наряд на свете.

Сварив кофе, ни разу не ошибившись с тем, где и что лежит, она принесла в гостиную две дымящиеся чашки, поставила их на низкий столик и села в кресло напротив. Солнечный свет щедро лился сквозь большие окна в массивных деревянных рамах, хорошо освещая фигуру девушки. Верон разглядывал изящно очерченные скулы, огромные карие глаза на красивом благородном лице, чувственные губы, длинные тёмно-каштановые, почти чёрные волосы, синий фартук на золотистой коже, очень гордую осанку... Девушка выглядела умиротворённой и счастливой, заполняя этим счастьем всё окружающее пространство. Верон не мог вспомнить, как её зовут, но не напрягался и по этому поводу – после покидания будней многое вдруг потеряло смысл.

Неопределённость с именем продолжала дежавю, возникшее при пробуждении. Верон пил горячий напиток маленькими глотками, девушка не мешала его мыслям, и он думал о том, что, скорее всего, допьёт этот крепкий, отлично сваренный кофе, оденется и просто выйдет навстречу смене впечатлений. Этот выход будет похож на шаг в пустоту, а излучение карих звёзд можно посчитать первым знаком и точкой отсчёта. Верон поглядывал в них и вспоминал одну из любимых игр детства, когда родители, приготовив подарок, прятали его и вручали записку с указателем какого-нибудь предмета в квартире. Там, повозившись, он находил новую записку с новым направлением, и так могло продолжаться довольно долго. В радостном предвкушении маленький Верон петлял по комнатам, и эти поиски уже сами по себе были подарком, важной частью удовольствия от обладания новой игрушкой.

Воспоминания плавно перетекли в размышления о том, с чего же начать. Правила игры он придумывал сам, и ощущение творчества с собственной жизнью возбуждающе покалывало мозг. Он взялся за ручку двери виртуальной реальности, и девушка в фартуке имела полное право на роль первого регулятора. Обстоятельства её появления в квартире постоянно

ускользали из фокуса памяти, трудно вспоминался даже момент знакомства, что, впрочем, имело значения не больше, чем её неизвестное имя.

Она сидела напротив, и от неё зависело направление пути. Верон решил, что любой знак, который он сочтёт своим, даст импульс к действию. Цепочка причин и следствий, протянувшая его по жизни к стоящей перед ним чашке кофе, была осмыслена гораздо меньше, чем указатели, которым он готовился следовать.

Наконец девушка произнесла:

– Ты уезжаешь?

Первые слова его даже не удивили.

– Ты уезжаешь.

Она ответила себе сама, и он улыбнулся.

– Очень заметно?

Она наклонила голову.

– Да, здесь тебя уже нет. То, что я вижу, – прошлое.

Знак, конечно, не мог говорить банальности. Верон поддержал тему:

– А что вижу я?

Она посмотрела вниз, точно как девушка с пляжа на свои ноги. Фартук никак не относился к закрытым платьям.

– Мою грудь. Могу унести, чтобы не мешать твоим сборам.

– Оставайтесь... Мне нравится то, что я вижу, и ты мне нужна.

Она улыбнулась.

– Надеюсь, не в качестве спутницы жизни.

– Нет, а то её большую часть я провёл бы в постели... или на балконе...

Она засмеялась и сказала:

– А ещё бы мы разговаривали на кухне. Здорово, когда есть о чём поговорить в перерывах между сексом.

Девушка произнесла фразу, которую Верон раньше не раз проговаривал сам. До сих пор рот ночной гостьи нравился ему в несколько ином качестве, теперь же он раскрывал приятную собеседницу. Она добавила:

– В любом случае возьми всё, что тебе нужно.

Верон отхлебнул кофе.

– То, что мне нужно, надо просто увидеть или услышать.

– Ждёшь от меня импульса?

– Что-то вроде...

– Отплываешь в неизвестность и ждёшь попутного ветра.

Она уже не спрашивала, а по-своему описывала его состояние. Верон сказал:

– Поэтично. Читаешь меня?

Девушка посмотрела ему в глаза.

– Когда сливаешься с человеком и дышишь им, его легко прочесть... У меня – так...

– Напоминаешь одну девушку. Очень. Может, сестра?

Она ответила не сразу. Её взгляд расфокусировался и затуманился.

– Тебя трудно поразить, но она это сделала. Твой мир получил пробоину, ты дрогнул и отступил. Но ты знаешь себя... и знаешь, что не сможешь с этим жить. Есть что-то, что ты не узнал и не прошёл до конца. Ты знаешь, что это очень важно... важнее всего в твоей жизни. И это знание толкает тебя в путь. Ты уже встал на него, теперь просто стань с ним единым и тогда не сможешь ошибиться в направлении. Когда путь и ты – одно целое, какая разница в направлении?

Монолог получился впечатляющим – вид гостьи сильно контрастировал с произнесёнными словами. Верон помолчал и ответил:

– После того как я встретил ту девушку, мир не просто получил пробоину. Говорят, что пережившие сильное землетрясение навсегда теряют доверие к почве под ногами. У меня это случилось в более тонких сферах, и лучше бы я пережил землетрясение.

Девушка пригубила кофе и произнесла:

– Кто знает до срока, что лучше, а что хуже?

– Я знаю, что мне везёт на мудрых... и легко одетых нимф...

– Вот тут ты прав.

Верон усмехнулся.

– Ладно, добавь ещё что-нибудь о пути – у тебя хорошо получается.

Девушка заговорила приятным, чуть низким голосом:

– Направление ты увидишь в чём угодно, достаточно желания. Знаки будущего всегда присутствуют в настоящем. Твоё тело уже получило свой знак... от моего... – Она сидела так, что фартук скрывал совсем немного тела, и Верону нравились его открытые знаки. – Теперь в пути знак... о правильном направлении... получит твоё имя. Оно будет путешествовать само по себе и найдёт пару. Ты поймёшь...

Верон спросил:

– Откуда ты взялась?

– Из твоей настоящей жизни.

Девушка улыбалась, вращая в пальцах зажигалку. Верон посмотрел на неё и через мгновение уже знал своё первое направление. На зажигалку был нанесён логотип известной сети заправок, растянувшийся перед мысленным взором Верона в большие буквы, – заправка этой сети находилась в квартале от его дома, как неперемнная составляющая ежедневного визуального ряда. Он поднял голову со словами:

– Мне пора. А ты можешь поискать что-нибудь интересное по телевизору, в холодильнике или на книжных полках.

– Ты уходишь охотиться на мамонтов, а я храню огонь?

Зажигалка в её руке выглядела символично. Верон ответил:

– Мамонты в основном вымерли, но огонь всё равно храни.

Сборы не были долгими. Состояние детской игры овладело Вероном, и он стремился к заправке с давно забытыми предвкушениями. Краски мира сделались ярче, звуки – полнее. Он взял ноутбук, кредитки и пачку наливной зелени, оставив несколько купюр на топливо для огня. На прощание девушка щедро одарила сочным вкусом своих губ. Верон перешагнул порог квартиры и, подходя к лифту, с наслаждением оставлял ощущение каждого шага в том месте, откуда отрывалась его стопа.

4

Стоял солнечный летний день, и по небу ползли большие ленивые облака. Их форме было далеко не только до грациозности пумы, но и до классических белогривых лошадок, и, говоря откровенно, тянули они только на перекормленных баранов.

«Мерседес», при очень неплохих своих характеристиках, всё же значительно уступал в скорости мысленной стреле между зажигалкой и заправкой. По дороге Верон думал, каким стал бы мир при неожиданной возможности перемещения со скоростью мысли, и развлекался картинками хаоса. Пока же конструкция окружающей реальности поддерживалась другими правилами, и, добравшись до цели, он вставил шланг бензоколонки в серебристый бок своего коня – полный бак и путешествие в никуда совсем не противоречили друг другу.

Верон попытался мысленно заглянуть за этот указатель и встретил многообещающую пустоту. Лёгкая медитация над мантрой «В никуда... в никуда...» хорошо ложилась на монотонное журчание колонки. Перед капотом прошёл высокий худощавый юноша в очках, своим видом и походкой смахивающий на печального журавля. Несмотря на жару, он был в коричневой куртке, из кармана торчала коробка с DVD-диском. Юноша направлялся к зелёному «жигулёнку», но проезжающая мимо машина заставила его отступить к дверце «мерседеса». Верхняя половина коробки с названием фильма оказалась прямо перед глазами Верона, и он прочёл: «Шоссе в никуда», даже не сбившись со своей мантры. Юноша пошёл дальше, а пустота в голове Верона на мгновение приблизилась к абсолютной.

Он сразу вспомнил этот завёрнутый фильм Дэвида Линча и кадры, служившие прологом и финалом безумного сюжета. Там на зрителя с экрана накатывалось шоссе в никуда, и, судя по новому знаку, что-то подобное готовилось появиться и на экране его лобового стекла.

Через несколько минут «мерс» вырулил с заправки вслед за «жигулёнком», разметка дороги ложилась под колёса, совсем как у Линча, и Верон с удовлетворением отметил, что его утренний занавес поднялся окончательно. Осталось поудобнее устроиться в кресле с режиссёрским рулём в руках – впрочем, весьма и весьма условным. Что же касалось продюсеров, то эти мёртвые президенты дружно заполняли его карман строем зелёных портретов, и хотя «жигуль» был окрашен тем же цветом, на нём, в сравнении с упитанной физиономией Франклина, он смотрелся гораздо более уныло. Спонтанный тандем выехал за город, и трава полей по обе стороны дороги окончательно зазеленила мысли Верона.

Головная машина никак не относилась к скоростным моделям, но так как направление путешествия полностью исключало потребность в спешке, Верон лениво плёлся под хриплый голос Криса Ри. Эти звуки проделали извилистый путь от голосовых связок певца до ушей Верона и наполняли салон вибрациями дорожного настроения. Верон часто слушал его в дороге. Слушал и год назад, когда над головой висело такое же палящее солнце и его руки сжимали тот же руль со знаком «мерседеса» в центре. Правда, тогда он ехал не один – рядом сидел его друг, стёкла автомобиля были опущены, и их ноздри жадно ловили едва ощутимый, но уже победно нарастающий запах из-за горизонта. Запах ещё невидимого моря...

5

Тогда они ехали к болгарскому побережью Чёрного моря, и выбор направления определялся важным обстоятельством – маршрут пролегал через Румынию, через территорию, которую всегда считали одной из самых мистических областей Европы. Это была Трансильвания, вотчина легендарного графа, к которому друг Верона питал симпатию. Возможно, они бы даже подружились, если бы не разделяющие их столетия. Друг Верона не вёл жизнь вампира, но у них и без того нашлись бы общие темы – так, по крайней мере, считал Саша Кузнец, а его мнение имело достаточный вес в самых разных кругах. Проверить это представлялось крайне затруднительным, но, зная Кузнеца, не выглядело невозможным – да и Влад Цепеш, судя по всему, был одинок, и общество Кузнеца вполне могло разнообразить его суровую жизнь.

Прочитав книгу Брэма Стокера, а впоследствии увидев на экране демоническое вдохновение Гари Олдмана, Кузнец твёрдо решил посетить Трансильванию и замок Дракулы под городком Браном. Саша был личностью многогранной и в данном случае выразился просто: «Вибрации зовут...» Верона, наверное, тоже влекли вибрации приключения и неожиданностей, которые щедро проливались в присутствии Саши, а фон трансильванской мистики обещал послужить отличным катализатором.

Идея вызревала до благоприятного положения светил, и наконец всё устроилось наилучшим образом. Друзья срубили сочную денежную сумму, у них имелось достойное средство передвижения, жаркие летние дни звали к морю, и причин откладывать путешествие больше не было. К тому же, взглянув на карту, они решили сначала поваляться на золотых песках Болгарии и надышаться морским бризом перед посещением непростого края вампиров. Кузнец отнёсся к возможным неожиданностям со всей серьёзностью – перед отъездом он аккуратно уложил в тайник под бардачком револьвер. На аргумент, что такой предмет лучше взять, и он не понадобится, чем не взять и потом кусать локти, возразить было трудно. После этого они обменялись ещё двумя фразами:

- Ну, тогда и пули нужны серебряные.
- Конечно, на фи́га там обычные? Я заказал, мне отлили.

Через Трансильванию вели две дороги: верхняя и нижняя. Нижняя лежала ближе к цивилизации, верхняя – к замку Дракулы, и в Болгарию решили отправиться по нижней, оставив верхнюю на обратный путь. Кузнец предложил ехать ночью – он собирался насытиться впечатлениями по максимуму.

На закате они проезжали румынские сёла с домами, где глухие окошки вместо окон, больше схожие с бойницами, располагались на уровне второго этажа. Заборы напоминали крепостные стены, и ощущалось, что здешний народ даже сегодня не живёт привольной жизнью, да и румынские крестьяне в остроконечных шапках, попадавшиеся по дороге, казалось, не изменились с тех пор, как Дракула сажал их на кол. Страх той эпохи, возможно, развил сознание местного люда по специфическому пути, но также казалось возможным и то, что лишь такой тип сознания соответствовал духу трансильванских гор, странных и наполненных глухой древней силой. Эта сила чувствовалась в запахе холодных тёмных очертаний, нависших над извилистым серпантинном дороги, и в будущей перспективе обратного пути, когда предстояло возвращаться гораздо ближе к верхушкам этих очертаний.

Иногда на вершине какой-нибудь неприступной горы друзья видели жилой огонёк, и Кузнец выразительно смотрел на Верона. Его взгляд говорил о том, что можно с сарказмом рассуждать о всякой нечисти в ячейке мегаполиса, в окружении бетонной скорлупы цивилизации, но когда между тобой и холодом ночных гор нет никаких преград, а звёзды близки и равнодушны, ты остро чувствуешь, что этот мир живёт по другим законам.

Даже когда под утро они выехали с нижней трансильванской дороги на автостраду к Бухаресту, мир не желал приходить в себя. С гор спустился туман, и из его облаков навстречу «мерседесу» выехала какая-то развалюха. Что-то выглядит не так, если в этот момент ты двигаешься по магистрали с односторонним движением. Верон вёл машину и едва избежал столкновения. Кузнец пожал плечами.

– Румыны...

Верон сбавил скорость до минимума, и не зря – из тумана выныривали кони, гуляющие поперёк трассы, автомобили и повозки, которые ехали в разных направлениях и куда-то везли этих удивительных людей в остроконечных шапках.

– Румыны...

В тот же день путешественники пересекли болгарскую границу, плывущее навстречу солнце зависло над ними, и из-за горизонта повеял запах ещё невидимого моря...

6

Из скольжения Верона по закоулкам памяти вывел его проводник – зелёный «жигуль» замедлился, включил поворотник и съехал на обочину, после чего показалась фигура долгового водителя. Он выбрался наружу, открыл капот и склонился над мотором. Фигура не выражала оптимизма, из кармана так и не снятой куртки торчал диск.

Верон остановился в нескольких метрах позади «жигулёнка» и тоже вышел из машины. Когда журавлеобразный юноша взглянул на него из-за стёкол очков, взгляд показался Верону странным – парень будто ждал его, но к этому ожиданию примешивалась опаска.

– Привет, – сказал Верон – ему и карманному Линчу.

Журавль выпрямился.

– Добрый день, – произнёс он деревянным тоном с тем же странным выражением лица.

Верону даже стало интересно, какому образу в своём сознании он отвечает. Задавать вопрос о поломке не имело смысла – картине перед глазами лучше всего соответствовало название старого фильма: «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» Юноша чего-то ждал, и для развития диалога Верон произнёс это вслух. От вполне невинной параллели долговязый вздрогнул, за стёклами очков мелькнул испуг, но он видимым усилием воли взял себя в руки.

Верон подумал, что парень явно не в себе и пугать его не стоит.

– Да ладно, пусть живёт. Хочешь, затащим в какое-нибудь стойло.

Журавль неожиданно улыбнулся вполне нормальной улыбкой.

– Хорошо бы. Здесь город недалеко.

– А вообще куда собрался?

Юноша ответил, и название близкого мегаполиса прозвучало для Верона следующей вехой пути. Он сказал:

– Ты смотри, и мне туда же.

«Мерседес» отбуксировал зелёный гроб на техстанцию ближайшего городка, где Журавлю профессиональным языком сообщили примерно то же, что он услышал от Верона. «Жигуль» был продан за символическую сумму, и «мерседес», теперь уже в одиночку, но с новым пассажиром на борту, вновь выехал на дорожную магистраль.

Юноша снял куртку, будто понимая, что его миссия выполнена. Он периодически беспокойно пощёлкивал линзами и молчал, пока Верон не прервал паузу:

– Любишь Линча?

Юноша мотнул головой.

– Да нет, я не расист.

В первый момент Верон не понял ответ, в следующий – с интересом взглянул на попутчика.

– Он, думаю, тоже. Он не по тем делам – судам... Его тема – фильмы.

Журавль встрепенулся и достал из куртки с заднего сидения диск DVD. Фамилию режиссёра он нашёл с видом человека, для которого это было новостью. Верон молча ждал его реакции, утопив педаль газа в затычном обгоне. Наконец слегка растерянно юноша произнёс:

– Точно, Линч. Ты видел этот фильм?

– Да. А ты?

Журавль помолчал.

– Я не видел. Хороший? Хотя глупый вопрос. Я же не знаю твоих вкусов.

Тупицей он точно не был. Верон спросил:

– А посмотреть не пробовал?

Журавль заёрзал и засунул диск обратно в куртку.

– Я не буду смотреть. Мне нужно передать.

– Видеокурьер?

Журавль кивнул.

Видеокурьер единственного фильма, плетущийся на убитом «жигуле» сотни километров, хорошо вписывался в зазеркалье Верона. Кроме желания передать диск таким непрактичным способом, юноша и в целом производил смешанное впечатление. Иногда он обменивался с Вероном какими-то фразами и выглядел очень неглупым человеком, но чаще Журавль замирал и впадал в долгую прострацию. Верон же слушал музыку и наслаждался путешествием.

К городу попутчики подъехали поздним вечером. Оказалось, что на следующий день, в полдень, у Журавля назначена встреча и он собирается переночевать в гостинице. Увидев в пригороде вывеску небольшого отеля «Спутник», Верон не стал долго размышлять, кто кого выбирает – гостиница его, он гостиницу, либо через его странного спутника кто-то выбрал их обоих. Он просто не стал мешать невидимой нити, на которую плавно нанизывались события, затянуть «мерседес» в гостиничную гавань.

Попутчики сняли номер и поужинали. Журавль вскоре лёг спать, а Верон вышел на балкон, в тишину и к звёздам, которые тонули в ночной прохладе. Он подумал, что, если добавить тихий шелест волн с теплом песка, ночь будет почти такой же, как год назад. Ночь за вечером, в который он хотел попасть, глядя вслед уходящей пуме.

7

Часы до того вечера тянулись в режиме прогрессирующей рассеянности. Ужин с калканом Верон завершил очень быстро, оставив Кузнеца в компании очаровательных русских девушек, которые, казалось, высадили десант по всему болгарскому побережью. Трудно было угадать, когда у его новой знакомой начинается вечер, поэтому Верон подогнал «мерс» к пляжу и принялся созерцать краски заката. Солнце уходило за горизонт, растягивая на тёмно-сиреновом фоне облачный шлейф пурпурных и оранжевых оттенков, море накатывалось чернеющими волнами...

Она появилась вместе с последней солнечной стрелой из-за горизонта. Хотя она и отрицала имя Диана, лук и стрелы смотрелись бы очень естественно – Верон сказал ей об этом сразу же, как они пошли по пляжу.

Девушка засмеялась.

– Ты всё время видишь во мне хищницу-охотницу.

– У жертв сложнее с совершенством.

Верон говорил о совершенстве и видел его формы очень близко. Короткая джинсовая юбка и белая майка облегли их на расстоянии вытянутой руки, немного путая мысли.

Ночь отправила вечер в прошлое быстро и внезапно. Закат ближней звезды сменился россыпью дальних, и рядом с Вероном шла прекрасная загадка.

Он спросил:

– Как тебе живётся без имени?

– С чего ты взял? У меня есть имя.

– Днём я слышал другое.

– Днём слишком шумно.

– Сейчас вроде не слишком...

Девушка посмотрела на Верона. В темноте её карие глаза превратились в чёрные бездны.

– У меня нет имени для себя, но есть имена для других. Для той с фотоаппаратом – имя Диана... которое такое же моё, как и твоё.

– Допустим. А для меня у тебя есть имя?

– Есть. НеДиана.

– Красивое. Рад познакомиться. А я обычно представляюсь Паузой.

Она засмеялась.

– Пауза в нужный момент гораздо важнее любых слов... или, к примеру, движений...

Мне иногда очень нравятся паузы.

Девушка улыбалась, и в темноте её волосы и черты лица были похожи на профиль индейской принцессы. Верон не спешил попасть в будущее, и ему совсем не хотелось выяснять меру очаровательной иллюзии, принесённой не-знакомкой. Они медленно шли по берегу, и волны почти касались их ног.

– Ловко ты из облака... Богатый опыт?

– Меня никто не увидел, кроме тебя, и я вполне могла пролететь мимо.

– Выходит, я – твой соавтор.

– Можешь быть кем хочешь.

– Вдруг фантазия далеко зайдёт...

– За облака? Или только в облака?

Она снова дразнила его. Не видя отчётливо глаз, он отчётливо чувствовал их притяжение. Сопротивляться ему не было смысла, и второй раз за время их знакомства Верон остановил движение. Затяжной поцелуй был удивительно похож на свободное падение при прыжке с

парашютом, и на этом фоне скольжения губ и языков прожили отдельную жизнь. После приземления девушка в его объятиях стала гораздо ближе.

– Ты очень... притягательное облако...

Её зрачки были теперь совсем рядом и легко потянули Верона в свои глубины. В новом свободном падении он не заметил, как оказался на спине. Поцелуй прервался, белая майка мелькнула у глаз, а что касалось нижней части – короткая юбка в их положении обладала приятными преимуществами. Свободное падение постепенно перешло в полёт, полный ритмичного удовольствия, и движения гибкого тела прижимали Верона к земле, изредка прерываясь паузами. В эти моменты он ощущал, как они ей нравились. Ему же не осталось места в понятиях «нравится – не нравится», девушка заполнила всё его восприятие и была сплошным наслаждением.

И вот тут-то, при приближении к закономерному финалу, мир Верона и получил пробину, в сравнении с которой утренний взгляд можно было считать лёгкой репетицией. Девушка ускорялась, глядя прямо в глаза, и он всё быстрее мчался в чёрных тоннелях. Звёзды за её головой понеслись навстречу, и взрыв был похож на космический.

Кульминации подобных занятий, конечно, бывали разные, но так Верон отключился впервые. Даже отключкой это нельзя было назвать – он просто очнулся в своём бунгало.

8

Верон проснулся с ощущением сказочного сновидения. Даже запах девушки ещё не улетучился, но он тут же разбавился холодным осознанием какого-то несоответствия. Вставая и стряхивая остатки сна, Верон наткнулся на свою мятую футболку. На ней явно валялись на песке, и предположений, кто именно, было немного. Вопрос о том, что он делал между вылетом в чёрную дыру и взглядом на футболку, встал с неприятной неумолимостью. У Верона был полнейший провал в памяти, будто невидимые ножницы вырезали кусок ленты и склеили края.

Дверь бунгало открылась, и вошёл Кузнец. Он уже успел искупаться, его голос звучал бодро и весело:

– Стартуем?

События прошедшей ночи заставили Верона забыть, что на сегодня планировался отъезд. Повышенный градус настроения Кузнеца объяснялся просто – впереди ждала Трансильвания, а Верон подумал, что ещё до владений Дракулы он уже получил свою порцию мистики.

Механические сборы немного отвлекли и привели к самому подходящему, хотя и не совсем утешительному выводу, что его загипнотизировали, как кролика. Вопросы, зачем это было нужно, куда делась всадница и как он добрался до бунгало, повисли в воздухе, подобно недавнему облаку. Верон с лёгкой опаской выглянул во двор, но «мерс» стоял целым и невредимым.

Вскоре друзья погрузили вещи, Кузнец сел за руль, и бунгало скрылось из зеркала заднего вида. Верон ещё немного поразмыслил и пришёл к выводу, что облако из вопросов пока полезнее предоставить самому себе – тем более что сам он был цел, невредим и получил крайне приятный опыт, а что касалось провала памяти, то в мире случались и более странные вещи. Выстроить такой способ отношения было гораздо легче, чем полностью его принять, и периодически Верон пытался вспомнить хоть что-то. Он доходил до точки запредельного удовольствия и безнадёжно проваливался в чёрный вакуум. Он помнил только расширяющиеся глаза Недяны, полёт сквозь огромную нарастающую волну наслаждения, взрыв Вселенной и... пробуждение. Возможно, Вселенная действительно взорвалась и он проснулся в другом мире.

Эта мысль понравилась ему больше варианта с кроликом, и наблюдая, как Кузнец вырывается на магистраль, ведущую к Румынии, он оставил её в качестве альтернативы.

9

Два монаха в рясах, с поднятыми кверху руками, неподвижно стояли по обе стороны огромного каменного креста. Их суровая неколебимость объяснялась просто – они также были высечены из камня. Поворот горной дороги образовывал небольшую площадку, а сама дорога уходила под тенистые своды деревьев. Площадку и высокую скалу напротив разделяло глубокое широкое ущелье.

Три изваяния стояли на пике этой скалы. Монахи ладонями касались облаков и, возможно, в этих краях заменяли атлантов. Хотя при более пристальном взгляде в фигурах проглядывала затаённая скорбь и желание защитить раскинувшуюся под ногами местность. Верон снова, как и по дороге к морю, подумал о страхе местных жителей, вложивших столько труда в надежде на защиту высших сил. Солнце стояло высоко, и верхняя трансильванская дорога выглядела вполне мирно. Движение транспорта здесь практически отсутствовало, селения заканчивались по мере подъёма, и дорога приглашала узнать, как она выглядит в лесу.

Остановка на площадке не была случайной. Прямо на повороте Кузнец заметил, что у «мерса» спущено колесо. Он съехал на обочину, друзья вышли из машины и облокотились на неё, созерцая обращение монахов, которое с этой точки, на фоне синего неба и лёгких белых облаков, выглядело особенно внушительно.

– Колесо, как специально...

Верон произнёс эту фразу в расчёте на реакцию Кузнеца. Кузнец откликнулся, и в его глазах сразу блеснул огонь.

– Да, мы уже в диалоге.

Верон приложил ладонь к уху и вслушался в пространство. Кузнец усмехнулся.

– Не то ухо.

Верон с серьёзным видом сменил ухо и ладонь. Кузнец добавил:

– И не это.

– У меня нет больше ушей.

– Не надо. Ни больше, ни меньше.

– Но я тоже хочу... в диалоге...

– Будь.

– Намекни хоть как. И с кем.

– Для этого диалога не нужны уши.

Кузнец, похоже, оседлал конька по кличке Прогон, и Верон решил молча подождать его аллюра. Саша продолжил:

– Уши нужны для слов, а где нет слов – и ушей не надо. И тот, с кем мы в диалоге, не имеет имени.

Девушка из облака нашла способ напомнить о себе, хотя Кузнец о ней ещё ничего не знал.

– Почему?

– Потому что имя – это слово.

– Ладно. Ты не знаешь, с кем ты в диалоге, но знаешь, что в диалоге с кем-то. Чтобы поговорить о нём дальше, всё равно к нему нужно что-то приклеить. И лучше покороче, чем «Тот, который в диалоге без ушей и слов».

Кузнец подумал и ответил:

– Ты прав. Просто «Тот» будет покороче. Но не забывай, что это имя без имени.

– И когда ты узнал, что Тот с тобой на связи?

– Когда остановился и увидел монахов.

– Может, это знак включить заднюю?

Ответ Кузнеца был ясен заранее, но Верон сознательно подбрасывал дров.

– С задней – сам знаешь... Но дело не в этом. Мы едем за впечатлениями. Тот вполне гостеприимен и со старта намекает, что с ними будет всё в порядке. И есть ещё один знак. Я вдруг увидел, как мы сейчас... своим странным разговором похожи на двух героев... в начале фильма «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». И одного из них играет Гари Олдман. Как и Дракулу...

– Бодрое название, – Верон покачал головой и снова вспомнил пуму. – А почему ты решил, что Тот... а не Та?

– Да хоть Те, хоть Эти. Слова живут отдельно.

– Может, ты просто гоняешь сам с собой? Колесо – совпадение, а твой Тот – это твой Ты?

– Лепи, что нравится. А Тот – это не только я, но и ты, и всё вокруг, и колесо, которое давай менять по ходу...

Они направились к багажнику, и Кузнец добавил:

– Короче, куча разнонаправленных векторов в едином плане.

– Да, вижу – план с утра был хороший.

– Даже с вечера не было. Трансильвания, надеюсь, вставит покруче любого плана.

Кузнец вынул весь их небольшой багаж, и Верон поднял дно, намереваясь достать запасное колесо. В круглом пластиковом корыте, навинченном на штырь, удерживающий запаску, обычно было пусто, теперь же там лежал какой-то тёмный, плохо различимый на чёрном пластике предмет. Верон вынул его, и в его руках оказался бумеранг.

При всей специфичности края австралийские аборигены в окружающих зарослях представлялись сложно. Бумеранг был изготовлен из какой-то твёрдой породы дерева, отполирован до чёрного блеска и испещрён мелкими символами. Кузнец вопросительно смотрел на Верона, Верон – на Кузнеца, и сразу стало ясно, что им обоим сказать нечего. Верон понимал, что со своим провалом памяти он имел гораздо больше шансов быть причастным к находке, но ему не хотелось начинать рассказ под палящим солнцем, да и глубокомысленные комментарии Кузнеца лучше воспринимались в салоне автомобиля.

После того как они поменяли колесо и Верон занял место водителя, Кузнец углубился в изучение бумеранга. «Мерседес» въехал в тоннель, образованный кронами деревьев, и мир сразу изменился – сумрачные извилины дороги лишь изредка оживлялись лучами, пробившимися сквозь листву, и чёткость линий сменилась игрой светотени. Вокруг сомкнулась какая-то зыбкая призрачность и Тот Кузнеца стал гораздо более осязаемым.

Верон сделал попытку выловить из памяти хотя бы намёк на бумеранг, попутно осознавая её обречённость на провал. Кузнец посмотрел на него и подбодрил:

– Что-то мне подсказывает, что тебе есть что сказать.

Верон вздохнул.

– «Что-то» – хороший подсказчик. Кино похлеще Тота.

Во взгляде Кузнеца уже блеснуло пламя – всё аномальное действительно вставляло его сильнее любых допингов, и рассказ о снисхождении небесной пумы, любому другому показавшийся бы бредом, он выслушал очень внимательно. Когда Верон закончил, он спросил:

– Что ещё ты узнал о ней?

– Ничего. Для одних она Диана, для других – Недiana, а вообще-то имя ей вроде и ни к чему.

Кузнец хмыкнул.

– Снова знак, с именами. Продвинутая дама... Но чтобы поговорить о ней, обозначь покороче, чем «Та, которой имя ни к чему». Давай дальше, пикантные моменты можешь оставить себе.

Верон пожал плечами.

– После самого пикантного момента всё и произошло. Вернее, не произошло ничего, что происходит всегда.

Он вкратце рассказал о том, как выпал из реальности, и Кузнец подвёл итог:

– Да, сделала тебя подруга до потери памяти. А теперь взгляни сюда.

Он передал бумеранг, указывая пальцем на какую-то точку на его поверхности. Чтобы её разглядеть, Верону пришлось остановиться. В этом месте дороги было особенно темно, и он включил в салоне свет.

Символы на поверхности бумеранга выглядели очень странно. Скорее даже, они выглядели не отдельными знаками, а почти неразрывной мелкой резьбой, нанесённой тонко и искусно. Верон всмотрелся в участок под пальцем Кузнеца, и у него слегка перехватило дыхание. Резные штрихи, несомненно, обозначали солнце, частично прикрытое вытянутым облаком. Та часть облака, которая закрывала светило, была похожа на облако, книзу же оно вытягивалось кошачьими мордой и лапами. Рисунок не был отдельным и во все стороны переходил в сочетание линий с трудноуловимым смыслом. Изображение солнца находилось у края бумеранга, и линии переходили на другую сторону.

Верон перевернул бумеранг. Вся обратная сторона имела подобный узор. Вернувшись к облаку, он стал разглядывать его и соседние с ним участки. Неизвестный мастер обладал уникальными способностями. При беглом взгляде почти невозможно было различить солнце, облако и морду кошки, но после некоторой концентрации символы будто оживали и всплывали из хаотических сплетений линий. Эффект был поразительным – при внимательном рассмотрении некоторые линии становились чётче, создавая формы, а некоторые тускнели и постепенно исчезали.

Верон перевёл взгляд туда, куда были направлены лапы кошки. Вначале он безуспешно пытался что-то разглядеть в тонком узоре. И вдруг линии ожили. Ожили они совсем слегка, где-то будто проступили, где-то стали чуть более размытыми под бликами света на чёрной блестящей поверхности, но глаза Верона ясно увидели очертания удлинённой головы другого животного. Он быстро взглянул на Кузнеца – тот склонился к бумерангу и смотрел в ту же точку.

– Лошадь...

Кузнец произнёс это слово, и одновременно какая-то тень накрыла лобовое стекло, ткнувшись в него прямо перед их лицами. Они подняли головы и увидели большие глаза лошадиной морды.

Верон резко откинулся на сидении, и даже Кузнец вздрогнул. Но его биография содержала немало эпизодов, требующих самообладания, потому замер он лишь на мгновение, а затем порция адреналина выбросила его из машины. Верон выскочил с другой стороны.

Перед «мерседесом» остановилась повозка. Кляча, тянувшая её, тыкалась мордой в лобовое стекло, а внутри повозки сидели старик со старухой. Черты их лиц скрывала тень, а голову старика заостряла традиционная местная шапка.

– Чего надобно, старче?

В тоне Кузнеца ласки было немного, и Верон его понимал. Уверенности в том, что его понимают румыны, было меньше. Верон ещё не совсем вынырнул из пространства символических узоров, и трансильванские путники органично его дополняли. Ответил дед на чистом русском, будто встретились они где-то в России, между двумя деревеньками:

– Да вот, внучок, хворосту еду набрать. Ночи тута холодные.

Кузнец и Верон подошли ближе, чтобы разглядеть лица – они были морщинисты, но далеки от слёзной немощи. Глаза деда пронзительно поблёскивали, и «внучок» прозвучало со скрытой насмешкой. Старуха сидела очень прямо и, не мигая, смотрела перед собой. Кузнец вкрадчиво спросил:

– А вы что ж, в Патриса Лумумбы учились?

Дед скорбно вздохнул.

– Нет, внучок. У великого вождя, товарища Сталина учились... На стройках коммунизма.

Старуха вдруг закивала, закряхтела и приняла согбенный вид, придавленный грузом лагерных лет. Сочувствия Верон почему-то не ощутил.

– И не ехали бы вы к своему Дракуле...

Дед поставил ударение на втором слоге, и получилось, что отговаривает он от визита к акуле. Участливый тон сопровождался колючим взглядом из-под мохнатых бровей.

– А что ж там такого страшного, благодетель?

На холодный сарказм Кузнеца старик тепло улыбнулся.

– Страшного нету, внучок, нигде, кроме твоей головушки. Вот я страшный?

Дед лучился добродушием, и даже взгляд стал ласковым. И вдруг будто рябь пробежала по повозке. Старик распрямылся, лицо исказила звериная гримаса. Блеснули кровью глаза, клыки, и на мгновение он превратился в натурального киношного вурдалака. Старуха встрепенулась и выдала фортель почище деда. Без видимых усилий она оттолкнулась от повозки, хлопнула в воздухе накидкой и над головами Кузнеца и Верона перелетела на крышу «мерса». Всё произошло очень быстро, и обалдевшие друзья уставились на неё, присевшую и подбирающую складки, подобно огромной зловещей птице.

Дед засмеялся старческим скрипом. Картинки сменялись всё быстрее. Взгляду друзей снова предстал русский дедушка в нелепой шапке. Над головами хлопнула накидка, и старуха с ловкостью китайской гимнастки заняла своё место. Она показала доброе морщинистое личико и поспешно захихикала. У Верона появилась вялая мысль, что в кинотеатре он бы, наверное, засмеялся тоже.

– Точно, внучок, кино и есть. «Трансильвания пикчерз».

Диалог, о котором говорил Кузнец, видимо, вёлся уже напрямую с мыслями. Старуха от слов деда завалилась в повозку с приступом смеха. Верон вдруг заметил, что кляча, по лошадиным меркам – ровесница хозяев, тоже скалит зубы и водит глазом. Это был уже перебор даже для кино, но, похоже, не для Трансильвании.

– Ладно, дед, отстали от цирка – догоняйте.

Кузнец был невозмутим, а старик развеселился ещё больше.

– Дед... Дед Мазай. Дед Мазай и зайцы. Кхе-хе-хе... Цирк ещё не начался, потерпите до заката. Правда, старая?

Старуха выглянула из повозки и тоже заговорила, вставляя, как и дед, дурацких «внучков»:

– Ой, внучки, рассмешили. Мазай, хи-хи. А я кто?

Кузнец ответил с видом, будто летающие старухи были его обычными собеседницами:

– Шапокляк лесная.

Новоявленный Мазай даже хлопнул себя по лбу от восторга, кляча издала короткое ржание, а старуха чем-то ударилась о дно повозки. Всей троице было очень смешно, но Верона перспектива общения с милыми старичками после заката совсем не веселила.

Дед успокоился и сказал, глядя на него:

– А никуда не деться. Приехали, ребятки.

Угрозы в его словах не было, он будто констатировал факт. Старуха заворочалась, заняла своё место, и они вместе уставились на Кузнеца и Верона. Под их немигающими взглядами друзья сели в «мерс», но двигатель, в отличие от кино, завёлся с первого раза, и Верон облегчённо вздохнул.

Некоторое время они ехали в полном молчании. Кузнец задумчиво рассматривал бумеранг, а мысли в голове Верона напоминали броуновское движение. Извилистая дорога с пляской светотени только добавляла хаоса. Наибольшее впечатление на Верона произвели не пируэты старухи, хотя, конечно, выражаясь словами Кузнеца, они вставили покруче любого плана.

Но момент, когда лошадиная морда появилась на поверхности бумеранга и тут же – в лобовом стекле, впечатлил гораздо сильнее. Прикосновение иного измерения, пережитое от взгляда на пляже, повторилось. Оно пришло по-другому, с другой, совершенно неожиданной стороны, но было той же природы, разрушающей привычную арену причин и следствий. Можно было выстроить этажи объяснений, но они не выдерживали даже лёгкого дуновения свежей памяти. Судя по молчанию, Кузнец свою пробоину тоже получил, хотя он мог думать и о совершенно неожиданных вещах. Тем более созерцая узор бумеранга.

Чтобы придать мыслям подобие стройности, Верон принялся размышлять, как бумеранг мог попасть в багажник. Связь с Недяной выглядела очевидной, но дальше опять начиналось броуновское движение.

Кузнец наконец созрел для слов и сказал:

– Сказать нечего.

Верон отозвался коротко:

– Да.

– Осталось ехать.

– Едем.

– Как всегда.

– А как всегда?

– Так же, только с иллюзией множества направлений.

– А сейчас?

– С иллюзией одного.

Кузнеца действительно неплохо вставило. Верон спросил:

– И куда нас ведёт эта иллюзия?

– Не знаю.

– Ты же смотрел карту.

– По карте – к замку, но карта – не территория, тем более эта.

– А по бумерангу?

– По бумерангу обычно назад.

Не успел он произнести эти слова, как навстречу, из-за поворота, выехала повозка. Знакомая кляча бодро протрусила мимо, и из повозки улыбались старик со старухой. Это было уже слишком даже для Трансильвании.

Верон резко затормозил. Пока он разворачивал «мерс» на узкой дороге, повозка скрылась из поля зрения. Догнать её было делом нескольких секунд, и Верон нажал на педаль газа. «Мерседес» на скорости промчался один поворот, с трудом вписался в следующий, но повозка исчезла, хотя съехать с дороги незамеченной она не могла. Кузнец, бесстрастно наблюдая за происходящим, проронил:

– Направление не перепутай.

Проехав ещё один поворот, Верон остановился. Подумав, он нашёл нелишним снова развернуться и во время разворота вдруг осознал бессмысленность своих действий. Срезать путь старики не могли, и повозка, дважды проехавшая навстречу, а затем ускользнувшая в какую-то прореху лесных декораций, нарушала более фундаментальные законы, чем правила одно-стороннего движения на румынских дорогах.

10

Звёзды над балконом освещали покой ночного мира. Сознание Верона, сбросив оковы будней, обрело удивительную пластичность. Трансильванское путешествие проживалось так, будто он снова находился в компании Кузнеца, а не со своим попутчиком в гостинице.

Куда он ехал тогда? Куда едет сейчас? Эти вопросы возникли в его голове при подходе к ключевой точке воспоминаний, за которой события утратили последовательность, с их обычным перетеканием из будущего в прошлое. Точке, за которой остался набор образов, звуков и ощущений, больше подходящих для описания галлюциногенного трипа или сна.

Позже Верон пытался найти объяснения и допускал, что трансильванская местность очень способствовала искажениям сознания. Был также вариант, что старики-румыны навели транс, устроив затем просмотр «Пикчерз», но он не увидел в этом просмотре ни малейшего отличия от беспрерывного транса, наведённого на него с рождения.

Так и остался в памяти набор картинок...

Верон вспомнил задумчивого Кузнеца, протянувшего ему бумеранг и указывающего на какую-то часть рисунка, где, приглядевшись, рядом с наковальней и молотом можно было увидеть отчётливую фигуру, держащую в руках свою голову.

Путь в тоннеле из сплетённых крон деревьев всё больше отрывал от внешнего мира, автомобиль теснили тревожные сумерки, а они всё ехали, хотя давно должны были хоть куда-нибудь приехать. Наконец «мерседес» остановился, и остановка его была вынужденной – в свете фар зияла пропасть, делившая Трансильванию подобно надломленному пирогу. Лес и дорога продолжались на другом куске пирога, но взять это препятствие железный конь не мог. Пропасть расходилась в стороны, и сквозь разорванный потолок ветвистого тоннеля луна заливала её призрачным светом. Верон совершенно не заметил, как они въехали в такую глубокую ночь.

Он развернул машину, чтобы не иметь за спиной зловещего сумрака. Дорога на этом участке не имела поворотов, и дальний свет фар далеко отодвинул тьму. Кузнец молча нагнулся, опустив ладони под бардачок. Слышался звук отодвигаемой обшивки, и наконец он выпрямился, держа в руке револьвер. Верон посмотрел на него с уважением.

Кузнец засунул револьвер за пояс, Верон повертел в руках бумеранг и сделал то же самое с чувством, что их боевой потенциал всё-таки различен. Потом Кузнец сходил к багажнику, принёс две монтировки и положил их между сидениями. Взявшись за ключ зажигания, Верон спросил:

– Как теперь с иллюзией одного направления?

Прежде чем Кузнец ответил, далеко впереди свет фар отразился в глазах лошади.

А потом началась удивительная и ужасная красота невозможности происходящего.

Конь взял галоп, и сразу стало ясно, что его распрягли. С ним случилась удивительная метаморфоза – вместо дохлой клячи летел красавец-конь, а пришпоривал его могучий средневековый воин в кольчуге и шлеме, и блеск меча в его руке разбрасывал по сторонам короткие молнии. На мгновение Верон замер – не сам ли Влад Цепеш восстал из гроба, но блеск меча быстро стряхнул оцепенение, да и с направлением всадника иллюзий не было – он мчался прямо на них. Одновременно тени леса будто ожили, зашевелились, и со всех сторон к дороге двинулись какие-то зыбкие невзрачные фигуры. Пока они были не слишком видны в темноте, но стало понятно, что автомобиль в кольце. Верон повернул ключ, двигатель заурчал и тут же заглох. На этот раз всё было по законам «Трансильвании Пикчерз». Верон ещё раз попробовал завести, но теперь мотор не издал ни звука.

– На машину!

Кузнец не терял присутствия духа. Он выбрался из салона, вскочил на капот «мерседеса», через секунду там же стоял и Верон. Обернувшись, он увидел тёмных крючкообразных уродцев, взбирающихся на багажник. Они были похожи на нищих в лохмотьях. Перекатившись по крыше и подготовив размах, Верон с чувством вложился в скользящий удар монтировкой. Противно чавкнув, трансильванцы отлетели в кусты.

За его спиной раздался выстрел. Верон обернулся и увидел Кузнеца, стоящего на капоте и направляющего револьвер на несущегося всадника. Судя по тому, что всадник продолжал скакать, Кузнец промахнулся. О том, что серебряные пули не брали цель, думать не хотелось. Верон вскочил на крышу. Нечисть пока притихла, и новой атаки с тыла не предвиделось. Кузнец выстрелил ещё раз, всадник махнул мечом, и резкий звон дал понять, в чём дело: он отражал пули лезвием. Верону вдруг захотелось крикнуть, как Шарапов в погоне за Фоксом в фильме «Место встречи изменить нельзя»: «Стреляй, Глеб, ну что же ты ждёшь!» Кузнец всадил несколько пуль подряд, но меч всадника засверкал, подобно зеркальному шару, и сыграл короткую звонкую мелодию.

Свирепый оскал, грозный и неуязвимый, был уже совсем близко. Под шлемом виднелась физиономия деда, только с более натянутой молодой кожей. Пышные усы и черты лица действительно делали его поразительно похожим на Дракулу – именно таким изображали Влада средневековые гравюры, но подружиться с Кузнецом он явно не стремился. Всадник прищипывал коня, направляя остриё меча перед собой. Кузнец ещё раз выстрелил, и он отразил пулю с глухим смехом.

– Один остался!

Последний патрон давал последний шанс.

– Вместе!

Верон крикнул уже после того, как без раздумий метнул монтировку. Меч сверкнул, отправляя её в кусты, но Кузнец выстрелил ни мгновением раньше, ни мгновением позже – пуля нашла брешь, и всадника снесло с коня, будто смахнуло невидимой оглоблей. Конь пронзительно заржал, круто развернулся перед «мерседесом» и поскакал прочь.

Сражённый воин лежал навзничь, выронив меч, вокруг царила потрясённая тишина. Друзья спрыгнули на землю, и Кузнец первым делом поднял меч – от коварного деда можно было ожидать чего угодно. Но, осмотрев неподвижное тело, Верон своими глазами убедился в эффективности серебра – пуля угодила под шлем, и из зияющей раны ещё вился дымок. То, что осталось от лица, как-то сразу увяло и приняло землистый оттенок.

Верон подумал, что им можно присваивать титул трансильванских чистильщиков, но тут же стало ясно, что это далеко не конец... Из темноты, в которую ускакал конь, раздался жуткий вой старухи. Он будто током ударил по кустам, и со всех сторон началась возня. Скрюченные мужские и женские фигуры, в лохмотьях и с неразличимыми лицами, побаиваясь света фар, вновь стали заходить с флангов и тыла. Богатая история края позволяла предположить их принадлежность к кровопийцам, но если это и были вампиры, то, судя по чахламу виду, они давно сидели на голодном пайке. Лесные уродцы не отличались быстротой и силой, но их было много. Кузнец бросил Верону монтировку, сам пустил в ход меч, и они отбили натиск с левого борта. Упыри несли потери, но вой, казалось, разбудил весь лес, и к месту схватки стягивались новые тёмные силы.

Друзьям вновь пришлось забраться на «мерседес». Верон оборонял багажник, пока ему не пришлось отступить на крышу. Кузнецу с мечом было полегче, он ловко сёк тёмные фигуры, но и его отесняли к лобовому стеклу. Они сражались спина к спине и напомнили Верону русских воинов Евпатия Коловрата и Ратибора. Те рубились вдвоём против полчища татар, безуспешно пытавшихся взять их в плен на глазах Батыя, и эта параллель с историей, либо с

легендой, от которой часто немногим отличается история, придавала реальных сил и героической возвышенности их непростой схватке в дебрях Трансильвании.

А она становилась совсем непростой. По нарастающему вою стало понятно, что враг бросил в бой решающий резерв. В пространство, отобранное у мрака светом фар, вновь ворвался конь, на котором восседала разъярённая помолодевшая старуха. За её плечами реял плащ и волосы развевались подобно змеям Медузы горгоны. Вдобавок к выпученным глазам эта Горгона издавала такой жуткий звук, что вампиры бросились к «мерседесу», будто ужаленные. С большим трудом Кузнец отразил их попытку забраться на капот, Верону тоже пришлось изрядно помахать ногами и монтировкой, но становилось ясно, что упыри навалились всерьёз. Горгона выхватила саблю и вращала ею над головой с нестерпимым воем. Серебряные пули кончились, и Кузнец готовился отразить ярость старухи мечом. Тем временем лесная нечисть карабкалась с багажника на крышу – Верон отбивался и помочь Саше не мог. Разметав тёмную свору, он обернулся в решающий момент.

Эта картина во всех деталях врезалась в его память. Возле самого «мерса» Горгона внезапно сорвала плащ и махнула им перед лицом Кузнеца. Движение было таким молниеносным и неожиданным, что Кузнец на долю секунды потерял ориентацию. Верону показалось, что старуха взлетела, оттолкнувшись от лошади. Свистнула сабля, и Кузнец не успел сделать ни одного движения. Горгона вновь оказалась в седле, развернула коня и поскакала прочь.

В первый момент Верон ничего не понял. В кустах царила тишина. Кузнец сделал неуверенный шаг и выронил меч. Его голова будто хотела повернуться к Верону, но вдруг она отвалилась от туловища и упала в Сашины ладони – от рисунка на бумеранге картину отличало только отсутствие молота с наковальней.

Гнусно повизгивая, упыри бросились к ещё стоящему на ногах телу. Верон не дал ему упасть и затащил на крышу, выронив при этом монтировку. Меч тоже был потерян, и вместо него Кузнец продолжал сжимать в руках свою голову. Положение Верона выглядело ненамного лучше, ведь Горгона ускакала лишь для нового заезда, на этот раз – за его головой. Тёмные уродцы с землистыми лицами уже не лезли на машину. Они облепили «мерс» полукольцом, ожидая добычу, а в свете фар, теперь без завываний, с жуткими вытаращенными глазами, молча и неумолимо неслась смерть. Сабля вращалась, примеряясь к голове Верона, и он понимал, что деваться некуда – внизу ждали когти и зубы упырей. Он даже не мог, как Кузнец, встретить Горгону с оружием...

И вдруг его рука, инстинктивно искавшая хоть что-нибудь для защиты, наткнулась на торчащий из-за пояса бумеранг. Толку от него было мало, да и разглядывать узоры уже не имело смысла. Верон вложил в последний бросок всю силу, которая была ему уже не нужна, и бумеранг, вращаясь, полетел в голову с развевающимися власами. Горгона даже не потрудилась его отбить – она просто пригнулась, и последняя надежда Верона пролетела над ней.

Тут он понял, что всё кончено. До этого азарт боя и бутафорная нереальность происходящего придавали действию характер игры, но теперь у его ног лежало обезглавленное тело Кузнеца, и Верон не знал, нашёл ли он то, что искал. Наверное, Кузнец был теперь гораздо ближе к Тоту. Наступило странное спокойствие, и Верон смотрел на саблю с отрешённым интересом: сумеет ли увернуться от удара? Он даже не знал, будет ли пробовать.

Всё замедлилось, похоже, сознание растягивало последние секунды. Далеко за головой старухи обозначилась какая-то тень. Она нарастала и странным образом догоняла всадницу. Всмотревшись, Верон узнал вращение бумеранга. Ему показалось, что бумеранг стал больше и к тому же набирает скорость, но не успел он отнести это к обману зрения, как тень вдруг извернулась лапами, кошачьей мордой, и чёрная пума, блестящая и великолепная, выскользнула из вращения бумеранга в стремительный прыжок на плечи старухи.

Верон замер, очарованный этой красотой. Пума изящно махнула лапами, и Горгона со своей саблей не удержалась в седле. Секунду назад она неслась воплощением грозной неумо-

лимости, теперь же совершенно нелепо кувыркнулась в кусты. Мысль Верона о том, насколько всё зыбко в этой Трансильвании, сопровождалась видом ожившей картинке с поверхности бумеранга. Пума, сбив старуху ещё в полёте, коснулась лапами лошадиной гривы. Несколько мгновений дезориентированный конь скакал к «мер-су» и Верон смотрел, как на лошадиной спине, с гордой осанкой и блестя глазами, восседает его спасительница. Но тут вновь в кустах завывла старуха, конь заржал, замотал головой и вошёл в резкий разворот. Пума с достоинством оттолкнулась от лошадиного крупа, растянулась в воздухе и оказалась на капоте «мерседеса».

Старуха проворно выбралась на дорогу и вскочила в седло. Тёмные фигуры, получив дозу её воплей, яростно бросились в новую атаку. И если до этого Верон с Кузнецом напоминали Коловрата и Ратибора в схватке с татаро-монголами, то теперь сражение походило на бой Маугли и Багиры против оравы бандерлогов. Верон махал ногами с мыслью, что этот бой никак не вытянуть, потому что упыри уже не отступали, а карабкались по поверженным телам, да и вид Горгоны явно указывал на жажду реванша. Пума, видимо, оценивала сражение так же, но, как оказалось, имела больше возможностей для его перелома. И в момент решающего штурма, когда вся тёмная масса хлынула на них, а старуха махала саблей уже почти у капота, пума бросила на Верона выразительный взгляд, пригнулась и оттолкнулась от крыши «мерседеса». Чтобы не остаться в тёплой компании трансильванцев, Верону пришлось прыгнуть вместе с ней.

Внизу сомкнулись ряды бандерлогов и хищно свистнула сабля, но она рассекла лишь воздух под их странно переплетёнными телами, улетающими над пропастью к звёздам.

11

Мрачный лес с затухающим воем Горгоны остался далеко внизу.

Во внезапной пустоте и тишине разливался лунный свет, мерцали звёзды, и прохладные воздушные потоки оведали разгорячённое тело Верона. Чтобы оставаться участником полёта, ему пришлось обхватить пуму и руками, и ногами. Прыгал он ей вослед и потому оказался сбоку. Попытка забраться верхом представлялась ему несколько неэтичной, поэтому он летел, прилепившись не слишком удобно и к тому же понемногу сползая вниз. Пума несколько раз меняла направление полёта, и в результате Верон оказался под ней. Такой способ был бы более удобен, например, с летающей кенгуру, но выбирать Верону не приходилось.

Пума летела без всяких усилий, её глаза сверкали совсем близко. Верон заглянул в них, и вдруг звёзды за её головой заметно ускорились. Пума внезапно прижалась к нему, изогнувшись гибким телом, и это движение передало от чёрной кошки совсем неожиданную волну. Недоумение, мелькнувшее в глазах Верона, быстро потонуло в безднах напротив. Он летел уже в двух измерениях – в объятиях с пумой и в чёрных тоннелях её глаз. Это что-то напоминало, но Верон никак не мог вспомнить, что именно. Пума ритмично изгибалась, и звёзды всё быстрее неслись навстречу – в какие-то секунды полёт превратился в стремительную волну наслаждения. Наконец летящие звёзды ослепительно вспыхнули, и взрыв был похож на космический...

Кульминации подобных занятий случались разные, и на этот раз Верон пришёл в себя на берегу моря. Волны накатывались на берег, ночные звёзды больше никуда не неслись, а под спиной ощущалась какая-то ткань и песок. В его объятиях была обнажённая, с юбкой на талии, девушка, и длинные чёрные волосы прикрывали её лицо. Он коснулся волос ладонью и отвёл их в сторону для того, чтобы увидеть полуопущенные ресницы Недяны.

Цель множества восточных практик – состояние безмыслия – была внезапно достигнута Вероном без многолетних медитаций. Ведь даже осознание отсутствия мыслей является мыслью, а он после ресниц Недяны видел вновь Недяну, но уже сидящей вместе с ним на лёгком одеяле из багажника «мерседеса». Можно было только предположить, что он вынул и принёс его в состоянии абсолютной пустоты.

На первую после этой пустоты мысль о медитациях Верона, скорее всего, натолкнула поза лотоса, в которой непринуждённо расположилось тело девушки. На фоне чёрных волн и в звёздном свете Недяна выглядела призрачной богиней, не спешившей облекать свою нагую красоту в земные ткани.

В иной ситуации Верон и не желал бы других состояний и других образов, но последние события упрямо желали хоть как-то улечься в его голове. Цепочка мыслей довольно быстро замкнулась главным вопросом: где сейчас Кузнец – в бунгало или в Трансильвании без головы? Ни ощущения, ни логика помочь Верону не могли, и он понимал, что может находиться в любом из двух вариантов. Возбуждение от недавнего боя и желание прояснить ситуацию странным образом уравнивались красотой неопределённости, которая веяла от очертаний девушки. Она, как ей уже удавалось не раз, вновь прочитала мысли Верона.

– Вопросы, на которые ты хочешь получить ответ, почти звучат. Но можно попробовать задержаться в паузе. Паузы так прекрасны... Тем более когда это пауза в трещине времени. Положение, в котором ты находишься, – редкая и необыкновенная удача пожить в мире, где происходит то, чего не может произойти. Мир большинства удручающе уныл, но они упорно не допускают в него то, чему ставят заслон с надписью «не бывает». Мир скучных повторов для них предпочтительнее и безопаснее свободных ветров. Впрочем, точка сборки у каждого своя, и каждый имеет право на свою Вселенную. Просто иногда понимаешь печаль продвинутых и просветлённых, которые смотрят на людей, предпочитающих чулан Вселенной...

Верон молча слушал, не видя её лица и чувствуя тёплый свободный ветер с моря. Продвинутая и, возможно, просветлённая красиво нанизывала слова друг на друга, и казалось, что она так же легко соткала ткань окружающего мира.

Девушка продолжала:

– Кстати, о точке осознания... Есть момент оргазма, когда она очень подвижна, и сдвинуть её для сборки различных миров довольно легко. Посвящённые в особые техники эзотерической тантры практикуют такие путешествия так же просто, как другие летают самолётами. Но я применяю их крайне редко, когда нет другого выхода.

Верон подумал, что, при всей запутанности ситуации, отсутствие другого выхода относилось к её приятным плюсам. Он сказал:

– А можно как-то совместить моё нахождение в паузе и мире побольше чулана с бытовыми вопросами: «Где я?» и «Что это было?»

– Ты здесь, а что это было – зависит от смысла слова «здесь».

– Не стоило напрягаться для такого подробного ответа.

Девушка засмеялась.

– Чувство юмора – хорошая страховка в любой ситуации.

Верон потрогал песок и сказал:

– Раз ты про юмор, то, может, помнишь, как в «Криминальном чтиве» героиня Умы Турман собиралась сниматься в сериале. И у неё для этого было много старых анекдотов. У тебя, похоже, такой же запас афоризмов. Я, конечно, с удовольствием проведу с тобой время и без объяснений... Не буду доставать мелочами и помедитирую на звёзды...

– Полезное занятие. Звёзды всегда ответят мудрее людей, нужно только услышать. А с тем, что произошло, – очень просто... Всё будет зависеть только от того, где именно «здесь» ты захочешь оказаться.

– А что, есть варианты?

– Варианты есть всегда. Мы всегда находимся в точке пересечения множества миров.

– Звучит красиво, покажи хотя бы два.

– Ну как можно отказать после такого приятного полёта? Заходи... В одном из них ты прогуливался с девушкой по ночному пляжу и вы оказались в объятиях друг друга. В самом разгаре... свидания... точка сборки сместилась и вобрала мгновенную яркую галлюцинацию с иллюзией растянутости во времени. Из бездн твоего подсознания могло вынырнуть что угодно. Я называю это галлюцинацией и подсознанием в терминах первого из двух миров. В терминах мира привычной тебе матрицы будней. В этой матрице то, что люди считают своими праздниками, – те же будни, только слегка подкрашенные.

– Допустим. А что с другим миром?

– А в другом ты познакомился с девушкой, которая спускается из облаков и превращается в пуму.

– И в этом мире мы улетели из Трансильвании, а мой друг остался там без головы?

– Где там? В этом мире нет «там», есть только «здесь».

Верон помолчал, думая о том, что, когда упражняешься в подобной словесной эквилибристике после хорошего косяка, не покидая мягкого кресла, – это одно, но когда с твоим сознанием без всяких веществ происходят необъяснимые вещи – это совсем другое. У него вдруг возникло внезапное желание броситься без оглядки именно в тот мир, где всё возможно и Кузнец по его выбору носит либо не носит голову. Так в детстве Верон замирал перед прыжком в воду с высоченной скалы... Но навстречу этому замиранию почти помимо его воли подула прохладная мысль, что, вероятно, так и сходят с ума.

Девушка тут же прокомментировала:

– Вот-вот... Если даже ты, не самый зажатый в матрице, отступаешь, то что говорить о большинстве? Так и сидят в чулане всю жизнь.

Верон попытался вновь вызвать состояние перед прыжком в невозможность, но ничего не получилось. К тому же его отвлекли близкие очертания девушки, не стеснённые ни майкой, ни матрицей будней. Если днём дерзкими выглядели глаза Недяны, то ночью – её обнажённая грудь. Чтобы собраться, необходимо было снова послушать о мирах и точках.

– Ладно, а кроме этих двух?

– Если скажу, что есть игра самопознания Абсолюта... через точки сборки якобы самостоятельных индивидуумов, тебе это что-то добавит?

– Уверенный шаг к осознанию Абсолюта. У тебя, вижу, с этим всё в порядке.

– Если бы я осознала Абсолют, меня бы здесь не было.

– Тогда не было бы ни «здесь», ни тебя.

Недяна засмеялась. Её приятный смех и неизбежные при этом движения груди вновь досадно отвлекли на подступах к озарению. Верон подумал, что ещё в одном из миров ему подали экзотический коктейль из чувств – «Приятная досада».

– Скажи ещё, проводница... Что ты имела в виду, говоря об отсутствии другого выхода? Откуда мне нужно выйти и куда войти?

Девушка продолжала смеяться.

– Куда нужно, ты уже вошёл. И вышел тоже... Раз уж мы заговорили об Икслане и Хенаро, то вспомни, как они с доном Хуаном потешались над бедным Карлосом. А цель была одна – сдвинуть его точку сборки, показать беспредельное великолепие миров за той же матрицей обычной реальности. Но весь фокус в том, что ощутить и понять её, как чулан, можно только покинув её. И ещё один фокус – всё это уже давно не тайна, и знания о путях выхода при желании доступны всем. Но знать путь и идти по нему – не одно и то же. Если уж через Голливуд, через Морфея в «Матрице», пришлось объявлять об этом Нео и всему миру, то насколько же глух этот мир...

Верон сказал:

– «Матрица», ясное дело, расштала матрицу, но пилюли – это же не путь. При всех освежающих эффектах колесница и филателия в лучшем случае ведут к отходняку.

– Я не говорю о наркотиках. Продолжая пример дона Хуана – он пробивал ими бетонное сознание Кастанеды от безвыходности. Тот прочно засел и не хотел вылезать из своей привычной жизненной галлюцинации – вот его и отвлекали другими глюками. А споры о том, происходило ли всё описанное в реальности, смешны уже потому, что сама реальность в этих книгах объявлена описанием. Конечно, путешествовать с доном Хуаном по Сонорской пустыне прикольное, чем, например, с Гуссерлем или Хайдеггером в их сухих абстракциях, но и там и там подойдёт дерридовское: «Нет ничего, кроме текста». И кто знает, не пишет ли кто-нибудь сейчас мои слова? Всё это вокруг, включая нас с тобой, вполне может быть чьим-то текстом. Вот тебе, кстати, и ещё один из множества миров.

Верон помолчал и спросил:

– В облаках открыли факультатив по философии?

Девушка ответила:

– Иногда спускаюсь... и книги сами открываются на нужных страницах. Или вдруг вижу страницу невыразимо прекрасного заката... И чувство, когда все страницы не разлетаются по ветру, а складываются в единую книгу, невозможно сравнить ни с чем.

– Буду признателен, если поможешь сложить листы этой ночи.

– Они-то сложены, это ты никак не поймёшь, что можешь открыть их на любой странице.

Верон сказал:

– Ладно, допустим, я «здесь». Но ещё важнее – «когда» я? Эта ночь за тем днём, когда мы познакомились на пляже, или прошли сутки?

– Я же сказала, что мы в трещине времени. Вне «где» и «когда», вне пространства и того времени, которое привязано к этому пространству.

– Но я же вижу тебя, чувствую ветер и песок, и часы в машине показывают какое-то время.

– Ты точно так же что-то видел и чувствовал за прошедшие сутки, либо за несколько прошедших минут, а часы всегда показывают что-то, что люди считают временем.

– Зайдём с другой стороны. Если я сейчас сяду в «мерс» и доеду до кого-нибудь... он же мне скажет, какое сегодня число... Если время за полночь, то должно быть двадцать пятое июля. Или двадцать шестое.

– Даже в календаре этот день особый. День вне времени. Может быть, он повторился дважды. Или бесконечно много раз. Но и это не главное. Главное, что ты не сядешь ни в какой «мерс», пока сидишь со мной на этом одеяле. Считай, что ты и всё вокруг находитесь внутри твоего сознания. Может, после всего, что произошло, у тебя и получится. Всё всегда у всех и происходит внутри, но подавляющее большинство считает, что происходит снаружи.

Она излагала красиво, но опять уводя одновременно во все стороны. Верон сказал:

– Ответ на простой вопрос. Вот это главное. Мой друг сейчас жив или мёртв?

– Мы все живы и мертвы. Разница в моменте времени или точке пространства, что в календарях – одно и то же. И разница в степени осознания иллюзий.

– Опять Ума Турман... Можно попроще, как для высунувшего из чулана нос?

– Хорошо, представь яркий сон, где ты общаешься с умершим. Ответ на простой вопрос: он жив или мёртв?

– Наверное, жив в реальности сна и мёртв в реальности яви.

Девушка кивнула.

– А достоверность этих двух реальностей – дело вкуса. Во сне всё очень даже реально, тем более если имеешь некоторые навыки поведения. В яви начальным навыкам тебя учат не один год, а сном никто не занимается. Некоторые народы, например, имеют привычку считать жизнь во сне настоящей. Я привела пример сна только потому, что тебе этот опыт максимально доступен. Ты, кстати, сейчас спишь или бодрствуешь?

– Скорее бодрствую, но с твоими полётами трудно утверждать. Я читал обо всех этих отдельных реальностях... у того же Кастанеды, у мистиков... Теоретически понимаю...

– А когда попал в практику, потерялся? Видно, потому и попал, что готов попасть. Да и наше будущее влияет на наше настоящее не меньше, чем прошлое. Идёт зов из времени... Я сама до конца не могу объяснить... в том числе и то, что происходит... Ты помогаешь мне что-то собрать так же, как и я тебе.

Верон снова поплыл в её словах и снова попытался собраться.

– Кто ты такая? Хотя уже спрашивал...

– Сложный вопрос для любого. Ты сказал «проводница», можно и так. Можно ещё назвать идущей. По дороге познания.

– И давно идёшь? С этими твоими... всякими штуками...

– Много жизней. А всякие штуки – просто владение своими образами. То, что ты видишь, – это же не я, а мой образ. Но в последнее время складывается впечатление, что та, которая я, на пороге нового знания. Скорее всего, все мы на пороге совсем новых знаний. Последние поколения рождаются в очень разных мирах. Пробрось тенденцию в будущее – не нужно особой фантазии, чтобы увидеть изменение самой структуры реальности.

– Ещё один обывательский вопрос, насчёт будущего... Куда я теперь проброшусь?

– Раз беспокоишься о друге, выбери реальность с ним. А то зависнешь в этом «здесь» и будешь вечно морщить лоб в раздумьях. И потом просто подумай... обо всём этом... Ты ведь будешь думать? Например, обо мне...

Она едва заметно улыбалась и смещала прицел внимания с неосознанных движений мысли на линии своего тела, мягко обозначенные в темноте лунным светом. Верон вдруг услышал

шум волн и ощутил себя под огромным звёздным куполом в лёгком дыхании моря. В памяти всплыли чьи-то слова о том, что реальность лишь вопрос внимания.

Девушка сказала:

– А реальность того, что с тобой произошло, может проявиться и совсем неожиданным образом. Твоё состояние на крыше машины, перед прыжком и полётом, уже существует как форма. Кто-то может наполнить эту форму личным проживанием, и я притянусь по вибрациям так же, как спустилась из облака.

– Про вибрации – не очень понятно, но ощутимо...

– Вибрацию можно выразить рядом цифр и набрать телефонным номером. И спросить кого угодно. Как зовут твоего друга?

– Саша. Хотелось бы так обратиться.

– Для этого действительно нужно только захотеть.

С последними словами её интонация и поза слегка изменились. Верон так и не понял, какие вибрации, уходящие в телефонный номер, она имела в виду, но притяжение было несомненным. После проведённого диалога одеяло под их телами выглядело ковром-самолётом, к которому прилепили земной шар.

Они летели на этом шаре, глядя друг другу в глаза среди звёзд, которые смотрели на их неотвратимое притяжение. Они двигались, как в замедленной съёмке, касаясь друг друга, и Верон плавно, но всё полнее с каждой новой секундой, сливался с лунными бликами на её теле. Как и секунды, каждая волна близкого моря приносила новое наслаждение. Верон твёрдо решил уследить за своей точкой сборки даже при мегатонной бомбе оргазма, но теперь это было похоже на желание не пропустить момент засыпания. И если в первый раз Вселенная взорвалась, то сейчас она просто растворилась струями нежного экстаза. Точка сборки никуда не делась – она мягко и незаметно унесла Верона в совсем другой сон.

12

Сон был очень живым, но Верон твёрдо знал, что это сон. Он разговаривал с Кузнецом, и чьи-то слова о том, чтобы представить во сне общение с умершим, тревожили его. Они ехали в своём «мерсе» по лесной извилистой дороге, Кузнец рассматривал карту Трансильвании и подсчитывал расстояние до румынского городка Брана. Всё это навевало предчувствие какого-то трагического исхода. Путешествие протекало мирно и безмятежно, но напряжение не покидало Верона, и он даже удивился, когда ближе к вечеру они без приключений добрались до холма с замком Дракулы.

Два сторожа в румынских шапках открыли ворота. В замке размещался музей, зарабатывающий на тяге туристов к мистике, но часы посещения уже истекли. Жестами и на ломаном русском сторожа убеждали, что на закате туда никто не ходит. Несколько купюр и бутылка виски сделали их сговорчивее, но открывать внутренние покои они отказались наотрез.

Брановский замок оказался небольшим, но впечатляющим какой-то глубокой и мрачной угрюмостью. Островерхие башни и крепкие стены сочетали основательность с устремлённостью ввысь. Замок состоял из разных частей, плотно сбитых в несколько асимметричный, но обладающий скрытым единством ансамбль. Он стоял на возвышенности, с трёх сторон окружённый обрывистыми лесными склонами.

Внутри находился печальный круглый дворик с колодцем и кольцеобразным балконом на уровне второго этажа. Неровные ступени каких-то узких лесенок спиралью пролегли в стенах, а неожиданные боковые проёмы с коваными дверями в половину человеческого роста, расположенные под углом, оставляли право выбора между мыслями о комнатах либо подвалах. Подземная жизнь замка, без сомнения, когда-то была ключом. Впрочем, полной уверенности в том, что подвалы уже необитаемы, у Верона не было.

По кругу внутреннего балкона располагались запертые двери в комнаты, дворик отсюда выглядел ещё печальнее. Кузнец присел на скамью у стены и смотрел в бойницу. Сквозь узкую щель виднелась едва заметная тропка, уходящая в лес, – с этого места Дракула мог наблюдать за приходом вызванных в замок неформалов.

Верон поглядывал по сторонам с ощущением нависшей опасности, которая вот-вот должна разразиться какой-то пакостью, но ничего не происходило. Довольный Кузнец осматривал логово Дракулы в тревожное предзакатное время, вокруг смеркалось, и причудливые тени ложились на холодные тёмные камни...

Наконец они, целые и невредимые, вышли за ворота и заняли места в своём безлошадном экипаже. Удивление Верона возрастало. Что-то происходило не так, как должно было, и даже каким-то образом уже произошло. Странное несоответствие достигло апогея, когда им навстречу, почти на выезде из леса, проехала повозка с парой румынских старожилов. Старик со своей трансильванской скво дружелюбно махали руками и весело улыбались в свете фар, а запряжённая кляча сделала неуклюжую попытку прогарцевать. Верон почему-то слышал стук копыт всё громче, и наконец он превратился в отчётливый стук в дверь.

13

Верон открыл глаза, и из румынских сумерек, обтекающих стальное тело «мерседеса», попал в свою квартиру. Сквозь оконные стёкла на его кровать лился дневной свет. В дверь снова постучали.

Встав и натянув спортивные штаны, он вышел в прихожую, открыл входную дверь, и перед ним возник Кузнец, живой и загорелый.

– У тебя со звонком что-то... – Кузнец нажал на кнопку у двери, и раздалась мелодичная трель. – Странно, только что не работал.

– Конечно, иначе как бы лошадь постучала?

Кузнец ответил пристальным взглядом. Пройдя в комнату и устроившись на диване, он внимательно поглядывал на Верона и молчал. Верон же находился в крайне непонятном состоянии, при этом размышляя абсолютно ясно и чётко. Ему вдруг пришло в голову, что обитатели психиатрических клиник совсем не считают себя сумасшедшими в своих мирах переплетённых реальностей, а всё, что с ним произошло, с нормальными людьми не происходит. Но, как бы то ни было, слова Недяны подтвердились – он попал в то будущее, в котором мог обратиться к другу, несущему свою голову на шее, а не в ладонях.

– Рад видеть, Саша. – Верон намеренно произнёс имя, о котором говорил Недяне, хотя чаще называл Кузнецца Саней. – В одном параллельном мире у тебя были проблемы.

Кузнец повернул шею, на которой стала заметна длинная глубокая царапина. Верон тут же вспомнил отсечённую голову, и окружающий мир снова стал зыбким.

– Что с шеей? И вообще, надо поговорить, а то крыша уже едет по полной.

Кузнец поднялся к зеркалу, провёл пальцами по шее и нахмурился.

– Вчера не было. Может, во сне как-то. Сон был такой... военный. А ты точно – после той ночи никак приземлиться не можешь. Брюнетка мозги завернула?

– Давай по порядку. Я тебя держал вот на этих руках, а ты держал в руках свою голову. Я не поехал мозгами, всё было так же реально, как сейчас.

– Голову, говоришь... Мне этой ночью снился странный сон. Мы рубились на мечах с какими-то уродами, и мне снесли череп. Очень живое ощущение, даже царапина появилась. – Кузнец поёжился. – Проснулся в поту, вспомнил, какой ты странный всю дорогу ехал, и сразу сюда.

– Странный?

– Сомнамбула. Молчал всё время, глаза стеклянные. Помнишь дорогу, замок?

– Повозка после замка ехала навстречу? Со стариками?

– Точно, на выезде из леса. Вспомнил?

– Приснилось. И разбудила лошадь, копытом в дверь. Открыл – а это ты.

Кузнец махнул рукой.

– Да ты вообще всё время спишь. Я машину два дня гнал, а ты – или в отключке, или смотришь пустыми глазами. Домой когда привёз, вроде чуть оклемался. И сейчас получше...

Кузнец рассказал про утро после ночи с Недяной. Сначала он не обратил на странность Верона особого внимания. По его словам, Верон был задумчив, молчалив, в первые часы обратного пути совсем не снимал тёмных очков и на вопросы отвечал односложно, игнорируя едкие замечания Кузнецца о стрелах любви. Они проехали границу, затем поворот с изваяниями монахов без всяких проколов, а в лесу Верон вообще ушёл в себя и Кузнец бросил всякие попытки его расшевелить.

Верон слушал рассказ Кузнецца о себе, как о ком-то постороннем. А потом всё, вплоть до деталей, сошлось с увиденным во сне – и торг со сторожами в замке, и бойница в стене, и дворик с балконом.

Затем Верон рассказал свою историю. Бумеранг с картинками, стариков в повозке и ночное сражение, с неудачным для Кузнеца исходом, он описал так, будто заново прокрутил перед глазами плёнку. Потом рассказал о полёте с пумой и их диалоге на берегу моря. Стрелок серебром слушал внимательно, кивал и иногда вставлял замечания, по которым было понятно, что подробности услышанного рассказа постепенно оживляли детали его размытого сна. Сверив обе версии, друзья пришли к выводу, что Кузнец в своём сне махал мечом на капоте «мерса», прикрывая спину Верона, а Верон в своём сновидении бродил с ним по замку Дракулы.

Это был интересный вариант, но в мозг Верона упрямым клином вошёл вопрос: что же произошло на самом деле? С одной стороны, сквозь призму диалога с Недианой было абсолютно ясно, что нет никакого «самого дела», но другая его сторона, сторона здравого смысла, всё больше отделялась от первой глубоким клином этого вопроса. Трещина времени в его мозге никуда не делась, она становилась глубже и как-то опаснее.

Версия Кузнеца, в сравнении с версией Верона, содержала гораздо меньше причудливых качелей. Верон представил себя в положении нейтрального слушателя обоих рассказов и не мог не признать, что его собственная история выглядела живописным бредом, а реальность Саши, с сомнамбулическим присутствием в ней самого Верона, вполне вписывалась в правила, по которым играет мир. Но точно так же Верон ещё раз прокручивал в памяти произошедшее и приходил к выводу, что прожил его подобно всем предыдущим дням, месяцам и годам своей жизни. Противоречия в его голове нарастали, и вдруг Кузнец сказал:

– Пошли посмотрим, что в машине.

Они спустились во двор и обследовали багажник «мерседеса». Бумеранг отсутствовал. Верон спросил Кузнеца, что он обо всём этом думает, но Саша был занят – он уже сидел на переднем пассажирском сидении и двигал руками обшивку. Прежде чем Верон сообразил, что он там ищет, Кузнец сказал:

– Ты будешь смеяться, но и волыны нет.

Смеяться Верон не стал. Они присели на скамью беседки в тени деревьев. Ветер нарезал солнечные лучи движениями листьев, недалеко от них в своих мирах играли дети. Кузнец некоторое время молчал, погружённый в размышления, потом он заговорил, и с первых слов Верон понял, что отсутствие револьвера и стиль Умы Турман повлияли на него прилично.

– Даже бесконечность прямой сводится к точке... в профиль. Так что всегда всё дело в точках, иногда – сборки, иногда – разборки. Но прежде всего нужно определиться с точкой зрения на свою жизнь. Я, например, смотрю на неё как на приключение. Если смотреть приблизительно так же, то твоя проводница права: всё произошедшее – удача. Мы ехали за впечатлениями, и мы их получили. По тому, что у нас есть, можно сделать единственный вывод, который, правда, не даст ничего, кроме мысли, что он сделан. Вывод такой: поедая калкан перед твоей встречей с облачной дамой, мы находились примерно в одной, разделяемой нами обоими, реальности. Сейчас, вероятнее всего, тоже. В промежутке между этим произошли смещения... за матрицу будней... так она её назвала? Ты получил импульс из необъяснимого, по крайней мере мной... И, конечно, у тебя сложились особые отношения с тантрической пумой, с чем тоже можно только поздравить.

– Ты хочешь сказать, что моё тело со стеклянными глазами ехало с тобой по Трансильвании, а я ловил галюны про пляж и Дракулу на коне?

– Я не знаю. И хочу сказать, что на этот мир можно смотреть по-разному. Можно из смотровой щели определённости. Из неё я видел тебя рядом с собой в «мерсе», видел тебя в замке, и внешне ты напоминал наглухо укуренного паука. Потом мы приехали, и мне приснился сон, который совпал с твоим рассказом. Если рассуждать, не отходя от этой щели, то тебе вполне могла сдвинуть крышу... симпатичная колдунья с пляжа, и ты всю дорогу блуждал в каких-то видениях. Видения транслировались твоим мозгом, и я их неосознанно улавливал. Потом просмотрел во сне, расцарапав шею. Ночь на пляже упала в провал твоей памяти, а вместе с

ней и то, куда ты дел револьвер. Хорошо, что нас не тормознули на границе, значит, подругу, скорее всего, ты не пострелял. Хотя мог ведь и в песок закопать. Ладно, это я так...

По мере того как говорил Кузнец, всё произошедшее убедительно прояснялось из его смотровой щели. Верон молчал – у него действительно был только набор видений с пробуждением в своей кровати. Саша сделал паузу и продолжил, когда лучи прорвались сквозь листву каскадом солнечных брызг:

– Перейдём к неопределённости. Здесь можно построить заумные многоэтажки... и на всякий случай: принцип неопределённости тащит на себе всю квантовую механику... но ладно, подойдёт и букварь. Возьмём хотя бы Солнце. Я определённо вижу его вращение вокруг Земли. В школе мне сказали, что это иллюзия детей и древних, а на самом деле всё наоборот. То есть в двух определённости вращается либо Земля вокруг Солнца, либо Солнце вокруг Земли, а в неопределённости всё вращается только вокруг точки отсчёта или наблюдателя. Один и тот же деятель для одной страны будет разведчиком и героем, а для другой – шпионом и негодяем. Воровство осуждается, но Прометей в почёте... Весь мир пронизан неопределённостью. Мир неопределённости более объёмный и универсальный, и расслаивается он на плоскости определённости. Поэтому либо смотришь в щель, либо вообще снимаешь шлем с узкой прорезью.

– И как выглядит Трансильвания без шлема?

– Загадочно, как и всё остальное. Но многим неуютно в загадочном мире, и они рады поскорее опустить забрало. Им так спокойнее, а мне вот хуже видно, так что от определённости я всегда по возможности воздерживаюсь. А твои полёты вообще в других измерениях... Может, мои рассуждения двигают воздух только потому, что ты выбрал реальность с этим воздухом, а я всё-таки шмалял по Дракуле. Провал вполне мог случиться и в моей памяти, а бумеранг с револьвером улетели в неопределённость между нашими провалами.

– У вас бы сложился неплохой диалог. С симпатичной колдуньей...

– Так и познакомились уже... заочно. Мне понравилась мысль, что будущее влияет на настоящее не меньше прошлого. В нашу жизнь пришёл... как она сказала?... зов из времени. Это реальный плюс. А в смешных минусах – царапина и пропажа револьвера. Всё-таки надеюсь, что ты не воображал себя охотником на пуму.

В этом был весь Кузнец. Ему нравилось жить в неопределённости, и в множестве вариантов он всегда находил плюсы. По правде говоря, он находил плюсы практически во всём, за что, в числе многого другого, Верон любил его общество.

Первые же дни после путешествия показали, насколько сильно трансильванские события повлияли на обоих друзей. Кузнец неожиданно заявил, что он кое-что вспомнил о своих ощущениях после того, как ему отрубили голову. Саша сказал о невозможности выразить это даже приблизительно и добавил, что вопрос о том, во сне это произошло или наяву, не имеет значения. «Неважен набор тех или иных иллюзий, важно полученное намерение», – так подвёл он итог своим неопределённостям, а намерение у него сложилось вполне определённое – отправиться в новое путешествие. Кузнец заявил, что момент своего выхода в неопишное состояние можно назвать выходом во время, и такое, видимо, происходит с каждым после смерти. Верон слушал его и вспоминал трещину времени, о которой услышал на пляже.

А Кузнец не унимался:

– Твоя пума сказала: «зов из времени»... Может, его я и ощутил. Там есть сразу всё, и мы оба получили мощный заряд. Теперь вопрос в том, кто на что его потратит. Лично я собираюсь на путь к осознанию.

– Осознанию чего?

– Не чего, а кого... Себя во времени. Но не того времени, что в часах.

– Круто. Для этого нужно путешествовать?

– Кому как.

Кузнец всегда отличался своеобразием, но представить его пилигримом в поисках истины было сложно. Верона вновь стали посещать мысли о критериях нормальности. Они с другом как бы поменялись местами, и по прошествии нескольких дней Верон всё больше склонялся к варианту, который Кузнец обрисовал из щели определённости. Краугольным камнем стал здоровый смысл, который хоть как-то спасал от противоречий, тревожно раздваивавших личность Верона. На пляже, когда он слушал Недяну под звёздами, мир воспринимался иначе, чем в окружении привычных предметов, и теперь мысли Верона пошли в противоположном с Кузнецом направлении.

Он внезапно отчётливо вспоминал то мелочи из архитектуры Брановского замка, то реплики Кузнеца в дороге, до и после посещения этого замка. Эпизоды сражений и полётов, напротив, утратили чёткость и прибавили в фантастичности, присущей снам. Верон признавался себе, что общение с Недяной в реальности вполне могло сочетаться с упырями в грёзах или каком-то трансе, а что касалось револьвера, то с теми изменениями сознания, которые сейчас демонстрировал Кузнец, он вполне мог исчезнуть и с его участием. Но, выстроив броню объяснений, глубоко внутри Верон знал, что всё это лишь слабые попытки защититься от раскалывающего мозг вопроса: «Что это было?»

Кузнецу броня была не нужна, он сразу раскрылся неизвестному и твёрдо решил ехать в горы – на Алтай и на Урал. Выбор направления исходил из того же необъяснимого импульса: «Одни горы подействовали – что-то откроется и там». Он не приглашал с собой, улавливая состояние Верона, который был не готов к такому шагу.

«Мерседес» принадлежал обоим друзьям, и Верон отдал Кузнецу половину его стоимости. Через неделю после возвращения из Трансильвании он отвёз Сашу в аэропорт. Перед посадкой они шутили и смеялись так, будто ничего особенного не происходит, но обоим было ясно, что поменялось многое, а на прощание Кузнец подарил несколько фраз в своём стиле:

– Ты знаешь, что для меня жизнь – это приключение. После Трансильвании я понял одну вещь: познание – самое захватывающее из всех приключений. Когда одного оккультиста спросили, какие гарантии при выходе в неизведанное, он ответил, что никаких – это шаг в открытый космос. Хорошо ответил. Слабые испугаются, и правильно – зачем туда тащить слабость, а сильных опасность только подстегнёт. Да и настоящая опасность – проторчать всю жизнь в чулане и не сравнить маленькие пыльные радости с кайфом свободных ветров. Привет пуме, если увидишь. Она мне понравилась.

– Оружие в космос не берёшь?

– Я и тут вдруг въехал. От кого защищаться, если всё вокруг – тоже я? А если вместить в себя всё, то и смысла в «я» больше нет. Не могу сказать, что пропитался этим, но молния блеснула.

Верон даже позавидовал Кузнецу. Если тот улетал, озарённый светом молнии, то сам Верон оставался в облаках сомнений и противоречий. Поездка к морю, запланированная как развлечение, неожиданно разносила их в разные стороны, но Саша был его другом, и если то, куда и зачем он отправлялся, было ему нужно, то так же это было нужно и Верону.

Он отвёз Кузнеца в аэропорт, где тот с рюкзаком на плече поднялся по трапу в своё будущее. Завелись двигатели, некоторое время самолёт наращивал мощность и наконец тронулся с места. Он разогнался по взлётной полосе, оторвался от Земли и, набирая высоту, растворился в Небе.

Мощный заряд, о котором говорил Кузнец, Верон вскоре ощутил в полной мере. Но совсем по-другому, чем Саша. Деньги, вложенные в продажу контрабандного янтаря китайцам, принесли прибыль гораздо большую, чем он ожидал, а развивая тему, стало казаться, что открылась жила. Для более выгодного ведения дел он переехал в другой город. Денежная река становилась всё полноводнее; помимо янтаря, он вложил и в другие проекты, причём удача

сопутствовала ему во всём. Для проверки везения Верон стал изредка играть в казино по-крупному, неизменно уходя с полными карманами денег.

Его противоречия постепенно улетучились – всё происходящее совсем не напоминало жизнь в чулане. От Кузнеца не было никаких вестей, и Верон постепенно втянулся в игру золотого дождя, которая вначале ненавязчиво, а затем всё увереннее начала диктовать свои правила, рождая невидимо растущую Схему новой жизни. Через несколько месяцев он без напряжения купил огромную дорогую квартиру, и модные дизайнеры превратили её в стильный brutальный лофт. Он мог сменить и «мерс» – на любую новую машину, но от этого его удерживала ностальгия.

Память трансильванских событий тускнела под слоем новых впечатлений, и всё это продолжалось до тех пор, пока одним прекрасным утром Верон не проснулся с ощущением непростительной задержки в буднях. Встретившая его незнакомка внезапно, как и год назад на черноморском пляже, рассыпала окружающий мир взглядом Недяны, и Верон всё-таки сделал свой шаг в открытый космос.

14

Утренние лучи летнего солнца быстро растопили густую черноту ночи. Новый день нанизывал на них свежие вариации красок и звуков. Верон уснул поздно, но выспался на удивление быстро, чувствуя при каждом отжимании от пола, как бодряя свежесть проникает в его тело.

Они с Журавлём спустились в ресторан позавтракать. После последних событий и ночи трансильванских воспоминаний Верон ощущал их невидимую связь так же отчётливо, как вкус омлета и кофе. В то же время он по-прежнему понимал, что всё это представляло неплохой материал для психиатра, как, впрочем, и любая неразделяемая, как её назвал Кузнец, реальность. Правда, некоторую часть его странной реальности разделял персонаж напротив, который снова заметно волновался и посылал очками встревоженные блики. После того как он несколько раз взглянул на настенные часы, Верон спросил:

– Опаздываешь?

Юноша судорожно мотнул головой, и Верону показалось, что какая-то информация, второй день царапающая его изнутри, уже почти готова прорваться наружу. Ей не хватало лишь лёгкого толчка. Положив нож и вилку на пустую тарелку, Верон заговорил:

– Вполне возможно, что я ошибаюсь, и тогда забудь об этом. Мой вчерашний день получился сплошной дорогой из знаков. И в этот день попал ты. Хотя правильнее будет сказать, что попал диск с фильмом, который за карман куртки втянул и тебя. Ты когда-нибудь точил карандаши?

Журавль нервно сглотнул. При этом его кадык метнулся вверх, а голова – вниз. Это можно было принять за утвердительный ответ. Верон продолжил:

– Засовываешь в точилку тупой карандаш, вращаешь, чувствуешь, как с каждым оборотом снимается стружка, скрипит грифель, и вынимаешь острый. Очень острый... То же самое второй день происходит с моей интуицией. И эта заточенная интуиция подсказывает, что стоит задать один вопрос. Конечно, если у тебя задание резидента, не ведись. В ином случае окажешь услугу. Что привело тебя к этому омлету?

По ходу тирады юноша производил впечатление раздувающегося воздушного шара. Он был всё ближе к тому, чтобы лопнуть, и вопрос, подобно острому карандашу, вовремя проткнул его оболочку.

Шар прорвало, и поток сбивчивой речи понемногу обрисовал струю событий, прижавшую диск к дверце «мерседеса».

15

Начало истории Журавля напоминало истории многих исследователей миров, врата в которые открывали различные вещества, расширяющие сознание. Колёса, порошки, грибы и марки активно использовались в качестве ключей для входа в иные реальности.

В конце концов Журавль подсел на ЛСД и проник в галлюциногенный мир ярких осязаемых фантомов. Правда, какое-то время ему удавалось совмещать свои полёты с адекватностью обычному миру, где он учился в университете и даже неплохо сдавал сессии.

Кульминацией стало посещение ночного клуба, который ему настоятельно советовали знакомые экспериментаторы с реальностями. Они восторженно отзывались о новой девушке, вплетающей в рейвовые импровизации диджеев ритм барабана. Журавль попал в клуб и той же ночью ощутил границы своего сознания где-то на окраинах Вселенной. То, что делала Шаманша (так все вокруг называли девушку), невозможно было перевести на плоский язык обычного мира. Но доза, принятая для объёмности восприятия, показалась Журавлю недостаточной; ему захотелось узнать о том, что находится за краями и гранями, поэтому в следующую субботу он подготовился основательнее, и ритм барабана унёс гораздо дальше, чем предполагалось.

Ни утром, ни в последующие дни нащупать перила повседневности не удалось. Мир фантомов смешался с миром, где стояла мебель его квартиры и здание факультета. Журавль осознал что-то невыразимо важное и вселенски глобальное, но для окружающих он банально свихнулся. Он не стал буйным, просто молчал с видом явного помешательства, глядя на легко сходящих с рекламных плакатов женщин и проходящих сквозь стены грациозных животных, которых, кроме него, больше никто не видел. Встревоженные родители обратились к врачам. Психиатр на приёме сам производил впечатление не вполне вменяемого, он поставил заумный диагноз и выписал кучу лекарств.

Журавль меланхолично запивал их дома водой, наблюдая за тем, как на потолке от света лампы лениво жмурится пума. Пума стала посещать его особенно часто, и почему-то её окрас постепенно темнел. Вскоре из серой она превратилась в чёрную, и остальные животные тактично удалились в другие ареалы обитания. Журавль вёл с пумой неспешные диалоги об устройстве мироздания, о Вселенных и звёздах, и это оказалось гораздо интереснее бессмысленной круговерти его прошлой жизни. Он вдруг осознал грандиозную и очевидную вещь, что даже в иллюзорном мире Майи и он, и все остальные летят среди бесконечно прекрасного царства звёзд на шарообразном корабле со всеми удобствами. Стоит думать об этом некоторое время каждого дня или ночи, выдвинув свою ментальную антенну из ила мутных однообразных мыслей в бескрайность Космоса, как по ней обязательно стечёт вселенская гармония, и если бы таких антенн были миллионы, как удивительно просто преобразился бы мир...

Журавль понимал, что он решил вечные проблемы человечества, но, кроме пумы, его никто не слышал. Она прогуливалась по стене, огибая картину с живописным горным пейзажем и каменными изваяниями монахов, когда-то привезённую отцом Журавля из Румынии, внимательно её рассматривала и соглашалась одобрителем урчанием.

Однажды он проснулся без пумы, и утро сразу стало тоскливым. В её поисках Журавль даже заглянул под кровать, хотя особой любви к полу пума никогда не испытывала. Она не пришла ни в этот, ни в последующие дни, будто растворившись в мареве летней жары, но оставив вместо себя какой-то неясный зов из расстилающегося за окном пространства.

А когда наступило особенно тоскливое утро, Журавль собрался, взял денег и написал для родителей записку о том, что ему стало лучше и есть желание погулять. После этого он вышел на солнечную улицу и пошёл на зов.

Выбирать направление было нетрудно – ориентиром служило усиление ощущений, которое привело к вокзалу, где он легко определил город, до которого нужно взять билет. Фантомы его почти не тревожили, и он занял своё место на вагонной полке.

На следующий день Журавль прогуливался по улицам нового города, где присутствие пумы ощущалось во всём – от тёплой неги в лучах солнца до прохлады под зонтиками кафешек. Не было только самой пумы. Он устал от хождений и жажды, присел за свободный столик одной из террас и заказал холодной минералки.

Первый же глоток пузырящейся жидкости совпал с парковкой на стоянке кафе изящной чёрной «инфинити». На передних сидениях сидели двое – молодой человек на месте пассажира и девушка за рулём. Лица пассажира Журавль не разглядел, а дверца со стороны водителя медленно открылась, и под ней ступила нога девушки. Секундой позже она вышла из автомобиля. Чёрные очки закрывали глаза, и волосы такого же цвета разметались по обнажённым плечам. У Журавля перехватило дыхание – не только в цвете волос, но и в каждом движении девушки сквозила кошачья грация его настенной гостыи. Гибко, будто сойдя с потолка на двух длинных лапах в голубых джинсах, девушка направилась к столику Журавля. Он молча наблюдал за тем, как она непринуждённо расположилась напротив, и за тем, как привычная близость пумы обволакивала его приятной волной. На белой майке девушки он прочёл слегка размытую, будто текучую надпись из чёрных букв: «ПОТОК БЕСКОНЕЧНОСТИ», и это как нельзя лучше соответствовало моменту.

– Ты знаешь, мысль об антеннах была интересна. Даже не столько она сама, а то, как ты её думал, – девушка дружески улыбалась и говорила так, будто продолжала разговор, прерванный своим недолгим отсутствием. Журавль зачарованно вслушивался в её слегка растянутые интонации. – И по ней при правильной настройке всегда стечёт то, за чем ты гоняешься с чёрного хода. Или какой там цвет был у последней марки?

Журавль поспешно ответил:

– Лимонный...

Девушка с интересом посмотрела на него. Интерес Журавль скорее почувствовал, потому что очки продолжали закрывать глаза собеседницы.

– Лимон ускоряет. Ускорился как-то... без тормозов... А почему ты здесь?

– Ты исчезла, и я пошёл искать.

Искренность Журавля была награждена улыбкой.

– Нашёл?

Журавль преданно кивнул.

– И что теперь?

– Думал у тебя узнать. Хотелось бы прервать этот анабиоз.

– Зачем? Опять куда-то залетишь.

– А можно спросить, как летаешь ты?

Девушка провела ладонью по своим волосам.

– Можно... Можно ещё у птицы или волшебника, но тебе это ровным счётом ничего не даст. Каждый летает по-своему. Вот ты, например, без лётных прав, поэтому и посадки такие аварийные. Но тебе ещё очень повезло, ты уже почти затерялся там, где теряется даже смысл потери...

Повторив эти слова девушки, Журавль на некоторое время завис в анабиозе, о котором только что сказал. Верон ему не мешал. Непринуждённые прыжки пумы по перекрёсткам миров были восхитительны. Тому, что это Недидана, доказательств не требовалось – Верон знал это так же верно, как если бы сидел с ней и Журавлём за одним столиком. Сутки назад, после годичного перерыва, она напомнила о себе взглядом ночной гостыи, потом он заново прожил в памяти первую встречу и трансильванские полёты и наконец послушал историю её посланника. Сокращение дистанции было несомненным и волнующим. В прошедшем году его жизни,

в матрице обычного мира, пума будто притаилась за некой гранью – как оказалось, лишь за гранью его сознания, но стоило сделать шаг навстречу, как перегородка стала растворяться, и эта непостижимая девушка становилась всё ближе.

– Мы ещё говорили обо мне, о моих глюках, и она сказала, что это скоро пройдёт. Сказала, что одно дело, когда глюки – твои хозяева, и совсем другое – когда наоборот... – Журавль очнулся и заговорил более сжато и внятно: – После разговора с ней я почти пришёл в себя, но для полного адекватности мне нужно услышать тот звук... ритм барабана, после которого меня так завернуло. Так сказала Дина, хотя я не представляю, где его искать...

– Дина? – вариации с именем тоже были очаровательны.

– Я спросил, как её зовут. Она ответила, что передо мной её тело, а за спиной – имя. Я обернулся и через дорогу увидел вывеску бутика «ДИНА». Но, может быть, это и не её имя.

– Может быть...

– Друзья навещали меня и говорили, что Шаманша исчезла из клуба, но Дина уверена, что ритм барабана сам меня найдёт. Сразу после того, как я выполню одну её просьбу... Она дала мне ключи от машины, денег на дорогу и сказала, чтобы я ехал домой.

– Умная машина – довезла, куда надо, и встала. А то, что ты окажешься со мной, тоже входило в просьбу?

– Она сказала, что мне нужно продолжить путешествие с тем, кто спросит о лошадях.

– О лошадях? Верно... было... о загнанных, как твоя машина.

– Ещё она сказала, что у него, то есть у тебя, с лошадьми особые отношения.

Верон снова вспомнил морду трансильванской клячи за стеклом «мерседеса» и летящего на них с Кузнецом коня.

– Есть такое... И всё же я не совсем понял, в чём просьба.

Юноша взглянул на часы.

– Я должен выполнить её через полтора часа. Дина назвала станцию метро. Там ровно в полдень всё узнаешь.

– Помнишь Жеглова: «Время и место встречи изменить нельзя»?

Журавль облегчённо улыбнулся – видимо, некоторая неуверенность в реакции Верона у него была. Махнув официанту, почти про себя Верон добавил: «Тем более с самим собой...» Даже фильм он вспомнил тот же, который крутился в его голове на крыше «мерса» прошлым летом.

16

«Мерседес» выехал с гостиничной стоянки на шоссе, ведущее в город. Говорить было не о чем, анализировать ситуацию также не имело смысла: она выпадала из числа событий, поддающихся анализу, в те сплетения мистики, которые Верон проживал год назад. Голос Криса Ри отлично озвучивал текущий мир, и наполнить им салон не составляло труда.

При въезде в город дорога вела через мост, под которым поперёк движения пролегла другая трасса. Журавль вдруг попросил остановиться.

– На первом мосту города нужно сказать тебе, что здесь можно освободиться от кармы.

Верон подумал, что его попутчик всё же иногда заговаривается, но решил принять правила игры и оценил масштабность совета.

– Отлично. Прогнать её с заднего сидения?

– Почти...

Журавль повернулся за курткой, лежащей сзади, повозился с ней и извлёк из внутреннего кармана узкий продолговатый свёрток. Взяв его в руки, Верон ощутил изгиб предмета, завёрнутого в белую ткань. Свёрток развернулся, и в глаза брызнул отполированный чёрный блеск – Верон снова, спустя год, держал в руках бумеранг, но вместо румынского леса вокруг мелькала обычная суматоха большого города. Это произошло настолько неожиданно, что у него даже не участилось дыхание. От логического анализа трансильванских событий он едва не свихнулся, поэтому сейчас решил просто наблюдать происходящее – путешествие по указателям приносило гораздо больше удовольствия.

Поверхность бумеранга была по-прежнему покрыта резным рисунком. Пальцы Верона ощущали плотность чёрного дерева, и глаза видели извилистость линий. Некоторое время он безуспешно пытался разглядеть виденные ранее либо какие-то новые образы. Мысль о том, что теперь перед ним нет predetermined событий, заслуживала внимания.

Верон включил «аварийку», выбрался из машины и подошёл к краю моста. Перед собой он видел predetermined конструкции перила, а внизу по широкой трассе мчались автомобили. Погода как-то внезапно изменилась: солнце обступили тяжёлые свинцовые тучи, а в воздухе застыло напряжённое безветрие. Журавль подошёл и встал рядом, теперь его глаза за очками сверкали любопытством. Прошлый и единственный раз в жизни, когда Верон бросал бумеранг, он вернулся полётом пумы. Чтобы узнать, что случится на этот раз, оставалось лишь размахнуться...

Бумеранг рассекал воздух вращением, и глаза Верона жадно следили за его дугообразным полётом. Он возвращался самим собой, и вдруг какой-то воздушный поток внезапно изменил его траекторию – бумеранг клюнул и полетел под мост. Верон с Журавлём перегнулись над перилами, но он быстро исчез из поля зрения – возможно, в чьей-то карме планировалось разбитое лобовое стекло. Они постояли ещё минуту, но никто не съехал на обочину с признаками повреждений. Журавль тронул Верона за плечо и произнёс неожиданно веским тоном:

– Пора.

Влившись в поток автомобилей на улицах города, они поплыли по течению, пока перед ними не замаячил очередной указатель направления – большая красная буква «М».

Припарковав «мерс» у входа в метро, Верон вслед за Журавлём спустился по ступеням. Несмотря на жару, тот снова натянул на себя куртку. Надпись «Шоссе в никуда» выглядывала из кармана и вела их в подземные лабиринты. Поток машин сменился потоком стекающих по эскалатору людей, расходившихся по перронам, и Верон молча продолжал свой путь в направлении фильма Линча.

Вскоре они добрались до платформы, где Журавль остановился и стал осматриваться, сдвинув брови в раздумьях. Электронные часы над тоннелем показывали 11:55. Журавль изу-

чил схему ветки на стене и жестом пригласил Верона к противоположному краю перрона. Его нервозность полностью исчезла, уступив собранности и растущей торжественности.

В 11:57 возле них остановился и отъехал поезд. Журавль молча стоял слева от Верона и в 11:59 сделал небольшой полушаг ему за спину. Он ещё не был сзади, но уже и не совсем сбоку. Верон ждал. В глубине тоннеля нарастал гул приближающегося поезда. С краем перрона их разделял метр. В одно мгновение на станцию влетел состав, а в голову Верона – внезапная мысль, что миссии бывают разные. Журавль занял положение, вполне удобное для толчка в спину, и сделал это как раз перед приходом поезда. Верон непроизвольно напрягся.

Освещённые вагоны с грохотом пронеслись мимо, затормозили и остановились. Ничего не случилось. Двери раскрылись прямо перед ними, Журавль наклонился к уху Верона и произнёс: «Поехали», – видимо, теперь он играл в шпионов. Часы показали 12:00, Верон сбросил плащ мимолётного напряжения и шагнул в вагон.

Людей в нём осталось немного, и они сели на свободные места. Журавль присел с краю скамьи, почти напротив сомкнувшихся дверей; его левое плечо касалось поручней, справа расположился Верон. Журавль повернулся к нему и заговорил чётко и слаженно, как автомат:

– По инструкции я должен сегодня, ровно в полдень, отправиться отсюда с тем, кто спросит о лошадях. Дина назвала станцию, где мне нужно сойти, – это следующая остановка. Так что основное сделано. И диск... Между станциями я должен его отдать... – Журавль вынул предмет, который тянул Верона последние сутки вместе со всеми его воспоминаниями подобно локомотиву, – и сказать, что обёртка не всегда соответствует содержанию.

Коробка с диском оказалась в руках Верона. Она была в полиэтиленовой упаковке, подобно любому новому DVD-диску. Герои фильма, насколько помнил Верон, тоже получали странные видеозаписи, но на кассетах – действие происходило в те времена, когда плёнка ещё не сдалась напору цифры. Пока Верон рассматривал фото Патрисии Аркетт, бесподобно воплотившей замысел Линча, механический голос объявил название следующей станции. Журавль вздохнул с облегчением человека, решившего сложную задачу. Верон пожал ему руку и сказал:

– Желаю найти свой ритм.

Юноша улыбнулся.

– Тебе тоже. Она сказала, что он есть у каждого.

Журавль направился к выходу, а Верон принялся аккуратно вскрывать упаковку, прикидывая, где снять гостиничный номер с DVD-проигрывателем и телевизором, в котором можно будет посмотреть видеозапись.

В окнах вагона замелькали стены тоннеля, Верон раскрыл пластиковый футляр и замер – внутри него вместо диска лежали сложенные листы. Он поднял глаза на тёмное окно напротив и в своём отражении увидел лицо человека, который только что вскрыл выловленную из океана бутылку.

Когда Верон вынул и расправил листы, в его руках оказалась тонкая стопка бумаги с напечатанным текстом. Сверху лежала не первая страница, но он уже принял правила, что случайностей в его сюре не бывает. Страница начиналась словами, которые точно описывали вчерашнее утро:

«Я подумал о том, насколько часто подобные мимолётные связи цепляют события нашей жизни, одно к другому, и насколько малую их часть мы осознаём. Обрывок воспоминания, случайное слово, образ перед глазами часто служат глубинной причиной наших решений. Иногда внезапно встреченный взгляд полностью меняет твою жизнь, а ты ещё об этом не знаешь...»

Пока Верон изучал послание, кто-то уже занял место Журавля, и листы из коробки оказались раскрыты для того, кому это не предназначалось. Верон поднял глаза на соседа, парня в чёрной рубашке, но тот как раз оторвал свой взгляд от текста, повернувшись резко очерченным профилем.

Сосед смотрел в раскрытые двери их вагона, который уже почти трогался со следующей станции, и вдруг его расслабленное тело в одно мгновение превратилось в разжатую пружину – этого мига хватило, чтобы он успел пролететь между смыкающимися створками.

«Шаолинь бессмертен...» – Верон проводил его взглядом и мыслью. Парень пошёл поперёк перрона к красивой девушке, за стеклом мелькнули её светлые волосы и большие зелёные глаза, и хотя это продолжалось всего долю секунды, Верону вдруг и в них почудился знакомый блеск огромных звёзд. Он встряхнул головой – этот взгляд преследовал уже независимо от цвета глаз. «Так... кто там хозяин у глюков?»

Он вернулся к тексту.

«Иногда внезапно встреченный взгляд полностью меняет твою жизнь, а ты ещё об этом не знаешь...» Это было написано о нём и для него, но Верон подумал, что сидящий рядом парень, прочитав эти строки, мог поднять голову и встретить взгляд зеленоглазой девушки, который, тоже меняя жизнь, заставил его вылететь из вагона.

Верон улыбнулся своей внезапной сентиментальности. Внизу страниц была нумерация, не на месте оказались лишь три листа, и, на всякий случай запомнив, какие именно, он сложил всё по порядку.

Людей в вагоне стало ещё меньше. Верон пересел на место, с которого катапультировались оба его попутчика, уменьшив число возможных соседей вдвое. У него было два варианта: прочесть текст в вагоне либо на ближайшей станции подняться на улицы города и найти какое-нибудь спокойное место. Склоняясь ко второму, он бросил взгляд на название: «ХОРОШИЙ ДЕНЬ ДЛЯ ЖИЗНИ», начал читать – и забыл про варианты.

Часть вторая

«Хороший день для жизни»

Трап самолёта уходил вверх, как лестница между мирами. Моё кресло в сигаре салона находилось возле иллюминатора. Я опустил в него и впервые за день по-настоящему расслабился. Только маленький круглый экран по левую руку соединял меня с фильмами внешнего мира, постепенно меняющего декорации в сумерках; здесь же, в замкнутом и залитом электрическим светом пространстве, которое готовили к недолгому отрыву от земли и надеялись прилепить обратно, тоже был свой маленький мирок. Его временные обитатели занимали отведённые места и напоминали кинозрителей, которые так же оплатили билеты в кассах и предъявили их на стыке миров.

Глядя на то, как сумерки меняют вид в иллюминаторе, я вспомнил книги, где маг-индеец часто путешествовал со своим учеником по горам и пустыням именно в это время суток, называемая сумерки «трещиной между мирами». Сплета все мысли воедино, я пришёл к выводу, что нахожусь в трещине между мирами как во времени, так и в пространстве, что, правда, не мешало мне одновременно находиться в удобном кресле самолёта, уже подрагивающего на старте.

Вскоре самолёт стремительно мчался по взлётной полосе, и подобные умозаключения следовало отложить. Он уже завершал свой разбег, нарастающим воем предвещая победу над притяжением, и лучше было не мешать ему мысленными проекциями любых трещин.

Ощущения вдавленности в кресло, отрыва от земли и взлёта; загущение звуков в салоне и вид пластичного покрывала городских огней одновременно заполнили каналы моего восприятия. Только в воздухе я обнаружил присутствие соседа справа. Мой взгляд скользнул по его невыразительной внешности и вновь обратился к экрану иллюминатора.

Сумерки уже выполнили свою миссию и сгустились до красок ночного мира. Надо мной россыпью мерцали звёзды, далёкие и недоступные, снизу им заискивающе подмигивали электрические муравейники городов. Самолёт набирал высоту, мигающие муравейники тонули в чёрной бездне, а звёзды не становились ближе. Им совсем не было дела до крылатого атома возле сгустка планетарной материи, облетающего одну из них. Звёзды слали свой свет, и от многих только он один и остался, если не считать звездой угасшее безжизненное тело.

Я летел и думал о том, где же граница реальности существования, если она непонятна даже у великих звёзд; где граница реальности любого события, унесённого временем и успешного, если повезёт, мимолётно отразится в зеркалах очевидцев. В зеркалах, которые странным образом имеют способности схватывать отражения, сохранять уже свои отражения отражений и где-то в зазеркальях памяти создавать причудливые фильмы о пролетевших мимо событиях. Так и у каждого участника уходящего дня остался в памяти свой фильм о нём, снятый со своей точки зрения, пропущенный через свои фильтры и обработанный собственным монтажом. А сами события унеслись в бесконечность, подобно тому, как несётся в бесконечности свет уже несуществующих звёзд.

Мерное посапывание соседа незаметно превратилось в звуковое сопровождение моих мыслей и стало ощутимо замедлять их ход. В сознании постепенно проявлялась причудливая цепь событий оставшегося внизу дня. Она вытянула меня из его опасных водоворотов, протянула по поверхности и наконец оторвала от всех поверхностей. «От всех... – ускользающее сознание отметило поверхность кресла под телом, – ...или почти от всех».

Я засыпал, и эти мысли сами представлялись последними, всё более тонкими звеньями тянущей меня цепи. Наконец она оборвалась, и я улетел в другое измерение – измерение сна.

1

Сон был неопределённый и тревожный. Меня настигала какая-то смутная, но грозная опасность. В темноте со всех сторон приближались враги, и я физически ощущал необходимость срочно ускориться, бежать или лучше лететь – лететь куда угодно.

Но, как часто бывает в подобных снах, скованное тело, несмотря на все усилия, отказывалось подчиниться и двигалось в темпе укуренной черепахи. Я ясно сознавал, что кольцо невидимых врагов уже сомкнулось и спасти теперь может только полёт.

Я попробовал оттолкнуться от земли, и результат этой жалкой попытки окатил волной отчаяния – бывают такие волны во сне, что пропитывают холодным потом даже простыни под спящим.

Тело моё было парализовано, но внутренние состояния менялись со скоростью молнии. Вслед за отчаянием возникла пустота, с пронзительной мыслью, что это конец.

Скорее инстинктивно, чем на что-то надеясь, я попробовал последний раз броситься вверх, и вдруг на это судорожное движение наложился толчок извне. Он оторвал меня от земли, за ним последовал новый, потом ещё и ещё. Петля вражеских сил захлестнулась, но уже далеко внизу подо мной. Я летел в темноте, внезапно спасённый и распираемый от полноты потерянной, казалось, жизни. Невидимая сила ритмично подталкивала всё выше и выше, пространство постепенно наполнялось звуками странно знакомой мелодии. Вибрация толчков явственно ощущалась телом откуда-то справа, и очередной из них выбросил меня из полёта в знакомую постель.

Я проснулся. Мобильник вибрировал и наигрывал мелодию как раз под правым боком. Я повернулся на спину и взял трубку.

– Алло, Саша? – голос незнакомой девушки мягко коснулся слуха и окончательно разбудил меня. Имя Саша не имело ко мне никакого отношения.

– Вы ошиблись, это не Саша. Но спасибо за звонок, он был весьма кстати.

– Извините... Перепутала номер... И, похоже, разбудила вас, – трубка вновь выдала мелодичные, слегка растянутые интонации, на пару секунд умолкла, но женское любопытство, как всегда, оказалось непобедимо. – А за что спасибо?

Я был по-настоящему благодарен за прерванный сон, и к тому же голос оказался из тех, что сразу располагают к общению.

– Вы изменили сценарий моего сна в гораздо лучшую сторону. Я успел улететь.

Трубка засмеялась, смех невидимой собеседницы быстро развивал первое впечатление.

– Нечасто узнаёшь, что с пользойходишь в чьи-то сны. А до меня всё было плохо? – тон разбавился весёлой заинтересованностью, и я был не прочь её удовлетворить.

– По-разному. Позавчера, например, удачно сходил в казино, а вчера наметились не самые лучшие движения на сегодня.

– Я про сон.

– Я в принципе тоже. Никогда не знаешь, когда проснёшься.

Трубка помолчала и спросила:

– А сейчас – сон или как?

– Неважно. Важно, что этот сон или не сон намного лучше предыдущего.

– В таком случае как тебя зовут... затерянный во снах?

– Зови как хочешь. Ты точно заслужила.

Трубка снова засмеялась.

– Сказано по-королевски. Я подумаю.

– Раздумье украшает женщину.

– Фраза из старого фильма... «Летучая мышь», верно?

– Да. Мы прикасаемся уже не только во снах. Хорошее утро.

– У меня тоже...

Это был тот случай, когда переходишь на «ты» так естественно, что даже замечаешь не сразу. Я спросил:

– Какие у тебя желания по утрам?

– Мои желания подобны джиннам из бутылки.

Я потянулся и присел на кровати.

– Для меня ты точно джинн. Пришла в сон и исполнила желание. А сама сейчас хочешь чего-то... по-настоящему?

Трубка помолчала и ответила задумчивым тоном:

– Здесь и сейчас я поймала момент удовольствия в нашем общении. И хочу, чтобы удовольствие продолжилось дольше момента.

Я встал, натягивая джинсы, и с трубкой в руке пошёл на кухню за сигаретой.

– Одно желание на двоих. Пока ищешь мне имя, может, скажешь своё?

– Разве не ясно? Зови меня Джина.

Звонок в дверь совпал с этим представлением, выводя меня из атмосферы приятного диалога. Я подошёл к дверному глазку и увидел крепкую фигуру Жеки.

– Джина... Джина... На время отвлекусь и займусь твоим удовольствием позже, – появление Жеки возвращало меня к не самым радужным перспективам нового дня.

– Буду ждать, – интонация в трубке прозвучала искривлённо.

Жека, как всегда, вошёл собранным, подтянутым и невозмутимым. Молча пожав мне руку, он снял кроссовки и направился в кухню. Мы сели друг против друга, я прикурил сигарету.

Ситуация в общем и целом выглядела ясной, а вот развязка, напротив, представлялась крайне непредсказуемой. Так было практически всегда, когда вопрос касался Циклопа, личности неуравновешенной и мало склонной к компромиссам. До сих пор все проблемы, хотя и со скрипом, решались без ущерба для чьего-либо здоровья, но сейчас эта тенденция, похоже, готовилась дать сбой.

Циклоп лишился глаза в уличной баталии далёкого детства и взамен приобрел новое звучное имя. Как со старым именем, так и с новым, он настойчиво гнул линию насилия над миром, и мир периодически отвечал ему тем же, но ни годы отсидки, ни лишние дырки в теле не прибавляли его мышлению гибкости, и он продолжал двигаться по жизни подобно бульдозеру.

В годы разгульной свободы, последовавшие за перестройкой, Циклоп перестроился, как и весь советский народ. Начав с заурядного гоп-стопа, впоследствии он возглавил группировку, контролирующую часть города, в которой обитали и мы с Жекой. У нас имелись свои взгляды на возможности окружающей неразберихи, и упускать их мы не собирались. Наши комбинации мало согласовывались с законом, иногда несли налёт артистизма и почти всегда хорошо пополняли карманы. Сферу интересов Циклопа мы не затрагивали, но он имел на этот счёт своё мнение.

Вообще-то точки зрения различных людей на одни и те же вещи часто отличаются друг от друга; и дело тут, естественно, не в самих вещах, а в том, что находится за этими точками. За точкой зрения единственного глаза Циклопа, в крепко посаженном черепе, находилось довольно примитивное устройство, определяющее его взгляд на мир исключительно в фокусе личной наживы, немедленной и максимальной. Факт существования других точек и других фокусов он упорно игнорировал, и в наших с ним отношениях это с фатальной неизбежностью вело к тому, что мы имели на данный момент: облако сигаретного дыма, Жекин ствол на табурете и тревожное ощущение дня.

– Рано или поздно... – Жека скользил мыслями на параллельных курсах, был лаконичен и, безусловно, прав. Он открыл балконную дверь, впуская свежесть не слишком жаркого летнего дня, которая перебила дымовую завесу. Светило солнце, и на перилах балкона суетились воробьи, чирикавая о своих делах, наверняка не менее важных, чем наши.

– Хороший день для смерти, – произнёс Жека, и мне не понравилась холодная отрешённость его тона.

– Для чьей?

– Фильм такой есть. Название всплыло.

– Сегодня двадцать пятое июля. Индейцы майя считали его Днём вне времени. А какой будет о нём фильм, мы увидим. Начало мне понравилось.

Чтобы отвлечь друга от мрачных ассоциаций, я рассказал ему о своём пробуждении. Жека, который жил в мире, где не было случайностей, слушал со своей обычной смесью интереса и едва уловимой иронии. Потом он прокомментировал:

– Тебе повезло, не так часто женщина приходит вовремя без приглашения.

Мне нравилась его манера ронять фразы, но времени для беседы в том же ключе у нас уже не было – до встречи с Циклопом оставалось часа полтора. Я прошёлся через ванную комнату и, одеваясь, засунул за пояс пистолет. Садясь во дворе дома в нашу тёмно-зелёную «ауди», я полной грудью вдохнул воздух и отметил, какой удивительно красивый день дарит нам лето.

2

Чёрный «мерседес» медленно катил по широкой улице. Затемнённые стёкла, опущенные наполовину, открывали взглядам прохожих головы четверых, сидевших в салоне. Голос в динамиках негромко и хрипло пел о суровой жизни. Двое сзади молчали, сидевшие впереди вели разговор. Человек за рулём обладал устрашающими габаритами и едва не подпирал бритой головой потолок салона, солидный штурвал «мерса» в его руках казался хрупкой игрушкой.

– Базарили с ними? – гигант задавал вопрос, одновременно перемалывая мощными челюстями жвачку.

Тот, к которому относились эти слова, телосложением намного уступал говорившему, но был жилист, и в нём чувствовалась сила сжатой пружины. Скуластое лицо, в сравнении с репой здоровяка, несло гораздо более отчётливую печать интеллекта. Глаза смотрели уверенно и жёстко.

– Да, Циклоп, им вчера всё объяснили. Что они кинули не того коммерсанта и деньги придётся вернуть.

– А они?

– Говорят, что коммерс был никем не прибитый. И ещё говорят, что Самурай по курсам и он в доле.

Сидевший за рулём взорвался:

– Суки голимые! Развели моего барыгу и прыгают за Самурая. Он в доле, а я где?.. Но он их не отмажет. Если не будет филок, замочу обоих, отвечаю! И откуда Самурай здесь нарисовался?!

Жилистый остался невозмутим.

– Это их общая тема. Самурай, похоже, знает, что барыга был без крыши и ломанулся к нам уже после кидалова. И они говорят то же самое.

Циклоп обрушил кулак, больше схожий с кувалдой, на руль.

– Да мне по хер, что они все говорят! Чем закончился разговор?

– Я сказал, что ты по-любому требуешь возврата, и набил стрелу. Сегодня на двенадцать.

– Хорошо, на месте и порешаем, что почём. Где набил?

– За городом.

– Так, слушать ничего не будем. Если придут без лавэ – сразу валим. Эти фраера меня достали.

– А Самурай?

– А что Самурай? Получил денег – пусть радуется. Теперь я хочу получить.

– Слушай, Циклоп, эти двое всё сделали правильно. Они не черти, чтобы с них так получать. А завалим по беспределу – будут проблемы с Самураем.

Циклоп повернулся к говорившему, и его единственный глаз сузился. На месте другого чернела повязка.

– Братан, я что-то тебя не догоняю. Эти уроды стригут капусту у нас под носом, а мы должны сопли жевать? Мы в расклады Самурая не лезем, пусть и он не лезет в наши.

– Это как раз и его расклад.

Свирепое лицо Циклопа побагровело.

– Марат, ты меня тоже достать хочешь, в натуре? Ты с кем вообще? Может, и ты долю получил?

На скулах Марата не дрогнул ни один мускул.

– Это уже гнилая тема. Я всё сказал. Решать тебе.

– Вот я и решил.

Одновременно с последними словами Циклопа у него заиграл мобильный, и он взял трубку.

– Да... Самурай? Привет... – его тон изменился и стал настороженным. Он покосился на Марата, но тот уже отвернулся к дороге. Циклоп заговорил в трубку, разбавляя свои реплики более или менее длинными паузами:

– Да ничего, катаюсь вот...

– Слышал уже? Да, хочу встретиться. Есть у меня к ним вопросы.

– Почему тебе? Я им хочу задать. Они опустили на деньги моего человека.

– Нет, это мой коммерсант...

– Да, я так считаю...

По всем признакам разговор принимал жёсткий характер. Циклоп наливался кровью и свободной ручищей всё сильнее сжимал руль. Видно было, что он слушал трубку и едва сдерживался.

– Самурай, это моё дело! Я разберусь, как считаю нужным.

– Кончай грузить!

– Раз не о чем говорить, будь здоров!

Циклоп выключил телефон, и его наконец прорвало потоком ругательств. Марат бесстрастно смотрел перед собой – ни он, ни двое сзади ничего нового не услышали. Циклопа явно заклинило, и шансы увидеть кровь сильно возрастали.

3

Я любил игру. Ощущения при виде и звуке мчащегося по рулетке шарика были единственными в своём роде. Несколько часов, проведённых в казино, представляли собой модель жизни в миниатюре, со своими взлётами, падениями, благоволением и ударами судьбы. Это был хороший способ познания себя, и наблюдение за своим внутренним театром во время игры привлекало не меньше чистого азарта.

Когда за ночь опускаешься почти на ноль, а на последнюю ставку вдруг выпадает нужное число, дающее старт полосе безудержного фарта, и маятник всегда готов качнуться обратно – материала для наблюдений хватает. Здесь важно было замечать момент, когда эмоция, вызванная замершим в ячейке шариком, уже настолько сильна, что готова вытеснить наблюдателя и завладеть тобой безраздельно. Таких калейдоскопов эмоций с полностью отсутствующим «я» всегда полно в казино, как, впрочем, полно и в жизни. Будучи же освещённой прожектором осознания, эмоция, подобно шарик в ячейке, оставалась в отведённых ей берегах, укрощённая мягко и без насилия.

Сознание как бы раздваивалось. Одна его часть в полной мере получала удовольствие от азарта, другая уравнивала страсть отрешённым наблюдением. Так параллельно с игрой за столом я вёл собственную ментальную игру, и победа в последней была несравненно важнее денежного выигрыша или проигрыша. А когда удаётся остаться неколебимым в шквале острых ощущений, то, во-первых, снимается часто больной вопрос тормозов, и, во-вторых, это служит хорошей практикой контроля в целом.

Жека тоже посещал казино, но его фильмы отличались от моих. Он не нуждался во внутреннем наблюдателе по причине того, что сам был воплощённым наблюдением практически без нервов. Вероятно, у него сложилась бы впечатляющая карьера профессионального игрока, но Жеку больше интересовали наши криминальные игры. В казино он ходил в основном за компанию и с желанием понаблюдать котёл человеческих страстей. Играл немного, как-то небрежно и почти всегда оставался в плюсах. За дверями же казино, на игровом поле жизни, он видел то, чего не видели другие, обрабатывал информацию и просчитывал развитие событий с компьютерной точностью.

Окружающий нас мир содрогался на изломе эпох и был насквозь пропитан криминалом. Вокруг вращались бешеные деньги, лилась кровь, и вчерашние циклопики реально становились хозяевами положения. В этом водовороте следовало надеяться на себя и оставлять спину неприкрытой только друг другу.

Жека был непревзойдён в роли сценариста, над режиссурой мы работали вместе, а в финале становились одновременно актёрами и зрителями своих премьер. Грандиозными наши постановки назвать было трудно, но мы и не гонялись за широким форматом со спецэффектами, предпочитая результат и минимум лишнего внимания. Случались, правда, и ковбойские налёты с оружием в руках, где не требовалось особого напряжения творческой мысли, но зато на передний план выступали готовность к неожиданностям и хорошая реакция. Чаще же через подставных лиц мы организовывали видимость мутных торговых операций с перспективой хорошей наживы, и всегда находилась жадная рыба, готовая клюнуть. В результате предполагаемая нажива оказывалась наживкой, попавший на крючок расставался с некоторой суммой денег и накапливал бесценный опыт плавания в бурном море бизнеса. При подобных раскладах гораздо труднее было обрубить все нити, ведущие к нам, но менты имели дела и поважнее, а что касалось братвы, то мы подсекали коммерсантов, не определившихся с надёжной крышей. Правда, со временем таких становилось всё меньше, и тогда на нашем горизонте возник Самурай, весьма незаурядный и колоритный персонаж криминальной сферы.

Примесь то ли японской, то ли корейской крови заметно отразилась на его внешности, определила невероятные способности к единоборствам и явно несла в своих клетках генетическую память воинственных предков, проявленную сквозь века в образе Самурая. Его возраст был трудноопределим, юность он провёл в странствиях по дальневосточным тропам; по слухам, обучался в каком-то монастыре, и избранный им путь воина оказался довольно извилистым, приведя по просторам огромной страны в наш город. С наступлением времён Дикого Запада на востоке условия для совершенствования его духа сложились идеальные. Самурай собрал небольшую, тщательно отобранную команду и установил жёсткий режим дисциплины и тренировок, превратив её в подобие закрытого клана. Место под солнцем он расчистил довольно быстро, и после нескольких стычек с ним предпочитали не связываться.

Мы познакомились в одно из крайне редких посещений Самураем казино. Крупье принимал мои ставки, а Жека слонялся по залу, иногда кидая фишки на стол. Потом он куда-то исчез, и я прошёлся взглянуть, куда именно. Нашёл я его за столиком в баре, в обществе Самурая и какого-то ниндзя из его отряда. Негромко играла музыка, на тёмных диванах лежали багровые отсветы. Зная, кто такой Самурай, я в первый момент решил, что наметилась проблема, но за время, пока шёл к столику, отметил отсутствие напряжения в позах. Хотя такие люди, как Жека и Самурай, могли, не напрягаясь, обсуждать любые вопросы.

Обсуждали же они, к моему удивлению, какой-то завёрнутый коан из дзен-буддизма. Я присел за столик, мы выпили за знакомство, причём Самурай едва пригубил, и их путешествие в пустоту дзена продолжилось. Немного поприсутствовав и убедившись, что эти двое нашли друг друга, я вернулся к игре. Позже мы поехали в офис Самурая, где за время продолжительного общения пришли к выводу, что проекции запутанных реалий окружающей жизни он связывает в голове не хуже абстрактных понятий дзена.

С того дня круг тем значительно расширился. Самурай имел гораздо больше информации, и то, что наши с ним отношения не бросались в глаза, приносило обоюдную пользу. Так и в последнем раскладе он удачно подвёл одного жирного бобра под точно рассчитанный нами кидняк, но тут в ход событий вмешался человек с одним глазом.

4

Мы сидели в кафе за городом. За окном на пустующей террасе чистили перья воробьи. Казалось, это те самые деловые воробьи с балкона прилетели вслед за нами. Вкус неплохого кофе контрастировал с обстановкой, далёкой от роскоши. Часы на стене показывали половину двенадцатого, и от заброшенной стройки, забитой как место стрелки, нас отделяло минут двадцать езды. Я вспомнил про звонок незнакомой феи, и мне пришла в голову мысль, что сейчас, вполне возможно, у меня последний гарантированный шанс ещё что-то узнать о её моментах удовольствий. Гонять в голове шары мыслей о ближайших перспективах не хотелось, а полностью отрешиться, как Жека, я не мог. Мой друг целиком погрузился в созерцание воробьиного сходняка за окном, мне тоже следовало отвлечься, и с этой мыслью я вышел на воздух.

За городом было свежо, в движениях ветра ощущалась свобода. Я вынул из внутреннего кармана куртки мобильный и застегнул её до горла. То, что Джина обещала ждать, подтвердилось всего лишь одним прозвучавшим гудком.

– Привет, спасённый, – по голосу чувствовалось, что свой момент она не потеряла. – Что снится?

– Окраина города... Небо без туч... Белое облако... Солнечный луч... – картинка на затемнённом экране моих очков легко за-рифмовалась в последних словах.

– Красивые у тебя сны, стихами в них говорят... Только на какой это окраине солнце? У меня тут в центре всё небо затянуто.

– Может, твоему центру далеко до моей окраины? В каком он городе? – до сих пор мне почему-то не приходило в голову, что мы вполне можем находиться и в разных городах.

– Как в каком?

Я услышал название города и в порыве ветра ощутил разделяющее нас пространство.

– Отличный город. Только от моей окраины до него лететь и лететь. И не во сне, а в самолёте с крыльями.

Джина засмеялась. Сквозь сотни километров её смех заставлял улыбаться в ответ.

– Весело с тобой. Из какого сна ты взялся?

– На хороший вопрос всегда трудно ответить. Как там с твоим удовольствием? Расширяется?

– И углубляется... Я бы даже сказала, что проникает всё глубже.

– Не буди во мне рискованные ассоциации.

– Я сегодня только тем и занимаюсь, что бужу тебя. В моём городе не хочешь проснуться?

Кривая впечатлений от общения с Джиной неуклонно шла вверх, и у меня вдруг появилось чувство, что её внешность дала бы сильный толчок этому ходу. Судя по манере общаться и непринуждённо произнесённым последним словам, она была раскована и уверена в себе в той мере, в какой это не выставляется напоказ, а просто присутствует, как следствие непобедимого ощущения своей привлекательности.

– Я не против. Даже наоборот. Интересно взглянуть в глаза человеку, который сам себе джинн.

– Думаю, ты не будешь разочарован.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.